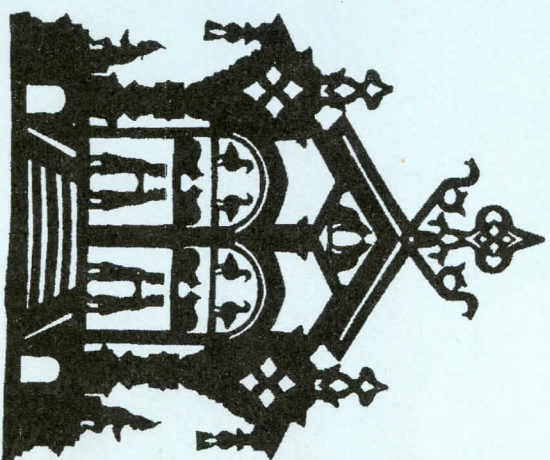

Анекдотъ - короткій по содержанию и
сжатый въ изложении рассказъ о
замѣчательномъ или забавномъ случай;
байка, баулка.

(В. Даль)

Трoвницяальный анекдот

Выпуск 1

“Вестъ”
Шуя 2000

Шуйский государственный педагогический университет
Шуйский краеведческий музей

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ АНЕКДОТ

Чтения по региональной казуальной истории

Выпуск первый

Издательство «Весть»

Шуй 2000

Печатится по решению редакционно-издательского совета

Шуйского государственного педагогического университета

В сборнике представлены материалы I (1999 г.) и II (2000 г.) Чтений по региональной казуальной истории, проводимых совместно ШГПУ и ШКМ.

Авторов сборника – историков, литературоведов, лингвистов, краеведов и музейных работников объединяет не только “пространство-время” – Шуйский уезд Владимирской губернии в XIX – начале XX вв., но и общие представления о значимости истории повседневности, “микростории” для общих представлений о нашем историческом прошлом.

Книга адресована широкому кругу читателей.

В оформлении обложки использован фрагмент вырезки Капитона Воробьева – уроженца д. Тепляково Шуйского уезда.

Рецензенты:

кандидат исторических наук Е.Ю. Фаркова

кандидат исторических наук А.А. Царков

Книга издана на средства администрации г. Шуи

(глава города В.В. Кузнецов)

© Шуйский государственный педагогический университет, 2000

© Шуйский краеведческий музей, 2000

ПОКУШЕНИЕ НА ШУЙСКУЮ ПОМЕЩИЦУ С.Н. ПЕСТЕЛЬ

На южной стороне Шуи на берегу Тезы находится живописное местечко под названием Лихушино. Удачное расположение и красота здешней округи с давних времен привлекали богатых помещиков. В XVI веке здесь была усадьба, принадлежавшая братьям Кайсаровым, представителям старинного дворянского рода¹. Шло время, менялись в Лихушино хозяева-землевладельцы, среди которых были разные люди (именитые и не очень). Среди наиболее знаменитых владельцев этих мест первым должна стоять фамилия Пестель.

В 1846 году Лихушино вместе с близлежащими деревнями и землями было куплено семьей статского советника Бориса Ивановича Пестеля (1795-1848), младшего брата известного декабриста Павла Пестеля. Поместье было оформлено на Софью Николаевну, жену Б.И. Пестеля.

Как будет видно из дальнейшего рассказа, семья «шуйских» Пестелей не разделяла взглядов своего родственника-декабриста на крепостное право. Судя по воспоминаниям современников, Софья Николаевна была властной помещицей, которая держала в строгости своих крепостных и особенно любила вмешиваться в разрешение брачных вопросов. Необходимо также сказать о значительном влиянии С.Н. Пестеля в Шуе и уезде. Кто посмеет спорить с женой статского советника, занимавшего к тому же одно время пост Владимирского вице-губернатора!²

Софья Николаевна зимой чаще жила в Москве, где у Пестелей был дом, а летом наезжала в Лихушино. В шуйской усадьбе постоянно находилось около десятка дворовых людей (несколько дворовых девок, дворецкий, кучер, повар и садовник). Барский дом в основном жил спокойной, провинциальной жизнью. Любимым развлечением молодой барыни было катание на тройке по шуйской округе. Что может быть лучше приятной прогулки на свежем воздухе, да еще при хорошей погоде!³

Но вот однажды, было это 19 июня 1855 года, Софья Николаевна вернулась в усадьбу со своей очередной прогулки (на этот раз из Горниц) поздно вечером. Горничные Анна и Анисья раздели барыню, дворовые разошлись по своим комнатам и флигелям, и вскоре усадьба погрузилась в тишину и покой. А ночью случилось нечто из ряда вон выходящее.

Ближе к рассвету дом был разбужен неистовыми криками и страшной возней. Через некоторое время через парадный вход на улицу вывели дворовую девушку Анну, которая уже не сопротивлялась, а все более сбивчиво говорила о своем намерении задушить помещицу, назвав при этом соучастницей дворовую девушку Домну.

Чтобы точнее передать своеобразие языка и почувствовать дух того времени приведу дословно длинную цитату из записанного в Шуйской полиции рассказа крестьянина Д. Слободки Якова Максимова, который являлся поверенным и бурмистром у С.Н. Пестель. Он передает случившееся со слов барыни и дворовых.

Итак, «прибыв к помещице, выслушал от нее, что находилась при ней дворовая девка Анна Матвеева, в нынешнюю ночь часа в четверть утра приди к ней в спальню во время ее сна, зажала ей платком рот и нос, отчего проснувшись, приди в чувство узнала, что на ней лежат, усиливалась дуться ее озанчанная Анна, и когда Госпожа его намерена была достать рукою веревочку, привязанную у постели к колокольчику и ударить в оное, дабы слезать том тревогу, чтоб кто-либо из людей для спасения ее прибыл, но руку ее эта девка Анна удерживала, не допуская слезать ей то, потом вскрикнув помещица, освободила рот неоднажды; на крик тотчас вбежала дворовая девка Анисья, в другой комнате спавшая, схвати оставовила ее, причем Анна старалась вырваться у нее, а между тем, сильно взявши за руку, царапала ее, потом была ею Анна выведена в другую комнату к дворовому человеку Александру Иванову и объявила о сем, коим тогда в намерении задушить помещицу она и слезала сознание<...>?»²

Яков Максимов доставил Анну в здание Шуйского полицейского управления (ныне ул.Союзная, 15). На первом же допросе она во всем призналась и дополнила показания бурмистра «техническими» деталями (в ее рассказе прежде всего интересны житейские мелочи, в том числе по устройству барского дома). С ее слов, «сего июня 19 числа вечером во время отбытия катаньем Госпожи моей, я, сия в находящейся в доме девицы, вместе с дворовою же девкою Домною Тимофеевой, разговаривая, что барыня наша часто меня с нею бьет, положила намерение удушить ее сонною; для чего и приготовилась: в отсутствие ее, я, Анна, отперла окно, находившееся в гостинной, выходящее на балкон, а Тимофеева отперла дверь из гостинной в спальню<...>; <...> и по приезде госпожи нашей с гулянья, когда Госпожа намерена была ложиться спать, я вместе с девкою Анисьей Зотовой раздели ее; она легла спать, а мы отправились, я спать в девицыю, а Анисья в коридор, девка же Домна Тимофеева ушла спать прежде до нас в состоящий на дворе флигель, игли со мной на преступление не согласилась, сказавши: «Ты одна справишься с барыней». Почему 20 числа вставши на рассвете дня, т.е. часа в три полнучи, вылезла по балконной лестнице, отворила окно, приготовленное мною, в гостинную, в которую и вошла, а потом вошла в приготовленную дверь из гостинной к Госпоже своей в спальню. Видя ее крепко спящую, подошла к ней, накинув свой миткалевый носовой платок, зажала ей им рот и нос с тем намерением, чтоб удушить ее. В это время Госпожа моя от сето и вскрикнула, на каковой крик прибежала в коридоре спавшая девка Анисья

Зотова, которая схватила меня, оттащила от Госпожи моей и вывела в коридор<...>»³

18-летняя Анна была арестована «за покушение», а Домна - «за знание о сем». Уже с 20 июня в Шуйском уездном суде начались допросы арестованных и свидетелей. Анна полностью признала свою вину, другая же «девка» Домна все отрицала, говоря о том, что она что-то слышала о намерении Анны, но не придавала этому значения и сама участвовать в этом не собиралась. Софья Николаевна Пестель в суде показала, что никогда сама не была Анну, а только один раз «за грубость и дерзость» она была наказана пятью розгами (исполнителем наказания был дворецкий). Все дворовые девки в один голос заявили, что барыня «с нами обращается всегда со всеми благосклонно». Кто из них был прав (Анна или остальные дворовые девки), ныне установить точно маловероятно, но с уверенностью можно сказать, что дворовые девки не могли быть полностью искренни в суде, с учетом их положения в барском доме.

19 июня 1856 г. Шуйский уездный суд приговорил Анну к «сылке на поселение на Кавказ, в работы в рудниках», Домна была освобождена «с оставлением в сильном подозрении»⁴. Но дело на этом не закончилось. Более высокой инстанцией было установлено, что Шуйский уездный суд превысил свои полномочия, и решение суда незаконно. (Можно предположить, что уездный суд принимал решение под давлением влиятельной С.Н.Пестель). По решению Сената Анна была наказана «определенным числом ударов» в Шуйской городской полиции, а затем ее отправили в губернское правление. Что с ней случилось далее - неизвестно.

В заключение расскажем о другой героине нашего повествования - помещице С.Н.Пестель. Она продолжала жить в своей усадьбе Лихущино. По рассказам современников, в 1861 году при отмене крепостничества в вотчине Пестелей были крестьянские волнения. Вскоре после этого Софья Николаевна подарила имение своей дочери Екатерине, а сама стала жить в Шуе, была прихожанкой Покровской церкви⁵. Умерла она 1 мая 1870 года и была похоронена около церкви села Возроново, рядом с мужем. В советское время Возроновская церковь была разрушена, и кладбище при ней нарушилось, а каменная плита с могилы статской советницы С.Н.Пестель волею судьбы оказалась около здания Шуйского краеведческого музея, оставшись главным историческим напоминанием о жизни в нашем крае семьи со знаменитой фамилией Пестель...

¹ Борисов В.А. Описание города Шуи и его окрестностей... М., 1851. - С.235.

² Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф.291. Оп.1. Д.3733. Л.3-3об.

³ Там же. Л.6-7.

⁴ Там же. Л.58-60.

⁵ ГАИО. Ф.648. Оп.2. Д.26. Л.232об.

ПЕРВЫЕ ШУЙСКИЕ ФОТОГРАФЫ

Г. Г. МОЗГОВА
(г. Владимир)

Несколько лет назад, когда мое знакомство с историей фотографии Владимирской губ. еще только начиналось, я прочла короткое газетное сообщение о том, что в 1863 г. в нашей губернии действовало всего 4 фотографических заведения, прием одно из них - в Шуе. Шло время, росла моя коллекция старых фотографий, я узнавала все новые и новые имена фотографов, пока, наконец, работа во Владимирском областном архиве не дала мне ответ на вопрос, интересовавший меня все эти годы.

Итак, одну из первых фотографических мастерских во Владимирской губ. в Шуе 3 июня 1863 г. открыл мешанин г.Г.орodka И.А.Шитко «в компании» с коллежским регистратором Павлом Свистуновым¹. В то время полиция делала только первые шаги в контроле над фотографиями, и потребуются еще несколько лет, прежде чем в губернский центр ежегодно начнут стекаться отчеты уездных исправников о наличии на подведомственной им территории фотографических заведений. Поэтому судьба первой шуйской фотографии пока остается неизвестной, но вот что можно сказать наверняка: Павел Петрович Свистунов интереса к фотографии не потерял и связи с нашей губернией не утратил.

В мае 1870 г. разрешение на открытие фотографии получила жена московского мешанина Е.В.Соколова, действовавшая по доверенности художника Императорской Академии Художеств П.П.Свистунова, который давал ей полную свободу действий в найме помещений, приглашении людей, получении «от Горюльской Думы промысловых свидетельств» и управлении фотографией². «Фотография художника Свистунова» была открыта в губернском центре на 2-й Никольской ул. в доме Бубновых. Так имя первого шуйского фотографа было упомянуто второй раз, причем в сочетании с двумя интересными фактами. Прежде всего, это один из первых в целой серии примеров для нашего края теснейшей связи фотографии с искусством (вопрос о признании фотографии самыми непримиримыми противниками молодого искусства - художниками - стоял в то время очень остро). Кроме того, благодаря П.П.Свистунову, в историю фотографии нашего края на долгие годы вошло имя Е.В.Соколовой, возможно, первой во Владимирской губ., но не единственной женщины-фотографа.

Екатерина Викторовна была женщиной предприимчивой и, проработав во Владимире до 1880 г., отправилась в десятилетнее «странствие» по губернии, открывая фотопатеи все в новых и новых городах: Коврове, Муроме, Шуе. По стечению обстоятельств именно с Шуйей свяжет Е.В. Соколова несколько лет жизни и творчества (1881-1884)³.

Однако в отличие от мастерской П.П.Свистунова ее ателье в Шуе было не единственным. Еще задолго до Е.В.Соколовой в Шуе обосновалась «варшавская жительница» Ю.Э.Вейнерт⁴. В письме на имя шуйского полицмейстера 2 февраля 1874 г. Юзефа Эдуардовна писала: «Ваше Превосходительство, Владимир Николаевич! Желая открыть фотографию в городе Шуе, обратилась с покорнейшей просьбою к Вашему Превосходительству о разрешении открыть такую. Относительно знания моего этого дела и моей в нем опытности Вашему Превосходительству смогу дать ответ карточки Вашего Превосходительства, которые я имела счастье снимать в последних числах августа месяца 1873 г. в фотографии Г.Гльзденко в г.Иваново-Вознесенске... Ограниченные средства к осуществлению заставляю меня просить Ваше Превосходительство о скорейшем разрешении начать мое дело. Надеюсь на благосклонное внимание Вашего Превосходительства к моей просьбе, с глубочайшим уважением имее честь быть Вашето Превосходительства всепокорнейшей слугой Юзефа Вейнерт»⁵. Юзефа Эдуардовна также отличалась завидным профессиональным долголетием. Ее ателье в Шуе сменил несколько адресов (Костромская ул., дом Кормильчиной; дом Фалеева; дом доктора Лабецкого около пруда), но в отличие от Соколовой Вейнерт на протяжении более 20 лет (1874-1897) останется верна Шуе и из нее не уедет. В этом с Ю.Э.Вейнерт мог соперничать далеко не каждый фотограф-мужчина. Вообщем же вылететь до 1890 г. (!) за вычетом нескольких лет одновременной работы с Соколовой, Ю.Э.Вейнерт будет в Шуе единственным фотографом. Интересно, что первым адресом мастерской Юзефы Эдуардовны был дом мешанина Ясникава, в котором в ноябре-декабре 1870 г. открыла свое заведение еще одна женщина-фотограф - девица из дворян Варвара Павловна Пахомова⁶. Так что на примере Шуи мы сталкиваемся с редчайшим случаем: у истоков становления фотографии в городе стояли сразу 3 женщины.

Кстати, женщины и в дальнейшем не оставят своим вниманием Шуйский уезд. Из 25 женщин, владевших фотопатеями во Владимирской губ., в Шуе и в Иваново-Вознесенске в разные годы их работало 10.

Надо сказать, что промышленный характер Шуйского уезда внес свои особенности и в историю шуйской фотографии. Бурное развитие промышленности, быстрый рост населения уезда неизменно привлекали сюда фотографов. С начала 1890-х гг. Шуйский уезд начнет заметно опережать по количеству фотомастерских все остальные уезды губернии (приним фотографы будут работать здесь не только в городах уезда, они основательно «оккупируют» села и деревни: Тейково, Васильевское, Кохму, Любимую Горку), а Иваново-Вознесенск с 1900 г. возьмет первенство у неизменного лидера - губернского центра (в 1910-е гг. в Иваново-Вознесенске будет одновременно работать 8 фотомастерских из 13 в целом по Шуйскому уезду).

Понятно, что в небольшом по объему материале я не могу перечислить всех фотографов, в разные годы живших и работавших в Шуйском уезде. Поэтому сосредоточу внимание на интересных фактах и именах, связанных с Шуйским уездом.

Дело об аресте фотографа

Имя Василия Гавриловича Кокушкина (как упорно указывали в официальных документах) или Кукушкина (как указывал он сам на паспорту) было прочно связано с Шуйским уездом. «Орьевский 2-й гильдии купеческий сын», раз увлекшись, стал одним из самых долго работавших в губернии фотографов. Первоначально мне удалось проследить за его работой, начиная с 1876 г., когда его мастерская действовала в с. Орехово Покровского уезда⁷. Довольно заметный след оставил В.Г. Кукушкин в губернском центре (1877-1884). Здесь с его именем связана целая серия видовых фотографий, имеющих авторское название и сопроводительных фотографом пояснительным текстом, изобильным в Василии Гавриловиче настолько знатока истории родной губернии. Лишь год (1892), если верить полицейским рапортам, поработал В.Г. Кукушкин в Шуре⁸ и целую жизнь (1885-1902) — в Иваново-Вознесенске⁹.

Начал же В.Г. Кукушкин свою фотографическую деятельность, судя по написки на паспорту его работ, значительно раньше, еще в 1861 г. Но вот найти следы столь ранней его деятельности в архивных документах не удавалось, пока... Пока в архиве я не наткнулась на дело «о заарестовании фотографа Кокушкина», датированное 22 апреля 1869 г.¹⁰ Шуйский уездный исправник Болдырев доносил «Господину Начальнику Губернии» о том, что в этот день он сопровождал штабс-капитана Агафонова в Иваново, где тот «арестовал и взял фотографа Кокушкина, у коего нашлась переписка, доказывающая участие в распространении вредных идей против правительства». В деле, к сожалению, лежала одна только телеграмма, а хотелось знать, какие последствия для фотографа имел его «заарестование». Разгадка наступила внезапно и была неожиданной.

Надо отдать шуйской полиции должное, она не дремала. В областном архиве г. Владимира, например, хранится целое дело «По рапорту шуйского исправника о прислании на имя прикащика Постникова фотографической карточки, принадлежавшей Анне Нечаевой»¹¹. Находившаяся под надзором полиции девица Нечаева в конверте, адресованном Постникову, получила «от неизвестного лица письмо с фотографической карточкой». Что интересно, письмо и «карточку» предъявил шуйскому исправнику отец девицы, шуйский мешанин Г.П. Нечаев. И хотя его дочь, давая показания, объяснила, что письмо и фотография прислал ей знакомый Г. Аметистов, получить их она смогла лишь спустя неделю, после того, как они были возвращены длительному

исправнику из канцелярии губернатора «как не заключающие в себе ничего вредного... для выдачи по адресу».

Не правда ли, комичный, на первый взгляд, случай? Ну какое дело полиции до фотографии, полученной какой-то девицей от знакомого с вдовильной фамилией? Так думала я, пока еще одно архивное дело, оконченное производством в июле 1874 г., не показало, как невнимательна я была, и не связало воедино два, казалось бы, не имеющих ничего общего факта: арест фотографа и изъятие корреспонденции поднадзорной девицы.

Итак, спустя три года после ареста, 17 февраля 1872 г. В.Г. Кукушкин вновь просил у Владимирского губернатора разрешение на открытие фотографии в Иваново, превратившемся за это время из села в город¹². Кукушкин писал, что «по болезненному состоянию и не находя других средств к существованию... содержал с 1862 по 1869 г.» там фотографическую мастерскую, но, заметьте, «по обстоятельствам вынужден был прикрыть то заведение до настоящего времени». Однако обстоятельства эти были хорошо известны губернатору из отпошения петербургского обер-полицмейстера, в июле 1871 г. сообщавшего, что «проживавший в Санкт-Петербурге под строгим негласным надзором полиции... Кокушкин... выбыл в Вознесенский посад Владимирской губ.». Надзор же этот был учрежден за господином Кукушкиным после освобождения из-под стражи, под которой он содержался... «по прикосновенности к делу Нечаева».

Напомню, что С.Г. Нечаев был организатором тайного общества «Народная расправа», программа которого предусматривала тайный подрыв государственной власти, христианской религии, нравственных устоев с целью осуществления анархо-революционных преобразований в России. Для этого Нечаевым были созданы пятерки, составленные из студентов. Одна из них в ноябре 1869 г. убьет слушателя Петровской земледельческой академии И.И. Иванова, несогласного с методами Нечаева. Нечаев, бросив на произвол судьбы, а, вернее, следствия и суда своих сторонников, эмигрирует в Швейцарию и только в 1872 г. будет выдан швейцарскими властями царскому правительству и заключен в Петропавловскую крепость.

Естественно, строгий полицейский надзор был установлен за Кукушкиным и в Иваново-Вознесенске. Нет ничего удивительного в том, что со стороны губернатора на прошение Кукушкина последовал категорический отказ, тем более, что конфиденциальное предписание Министерства Внутренних Дел от 10.08.1866 г. гласило: «Лица, которые состоят или состояли под судом и следствием за политические преступления... должны быть безусловно отстраняемы от получения дозволения».

Василий Гаврилович, однако, поражение не признал и каким-то образом привлек на свою сторону само III Отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии, выдвинув главным аргументом в свою пользу то обстоятельство, что в расчете на успех своего прошения уже «затратил много

денет на устройство фотографии, сделал долг и теперь находится в беллетвенном положении». Со своей же стороны, III Отделение, что интересно, не видело к открытию фотографии никаких препятствий и даже выдвигало собственный аргумент в пользу этого — «отвратить его (Кукушкина) от увлечения в политические дела». Губернатор брать на себя ответственность не стал и в апреле 1872 г. изложил все обстоятельства дела в письме Министру Внутренних Дел, спрашивая, «может ли быть дозволено мешанину Кукушкину открыть в Иваново-Вознесенске фотографии» при условии, что «в этом городе проживает семейство известного эмигранта политического преступника Нечаева и сестра его Анна Нечаева, состоящая под негласным надзором полиции?»

Итак, колдья замкнулось. Дела Кукушкина и А. Нечаевой соприкоснулись так опасно близко, что вызвали вполне объяснимую реакцию МВД: «не признается возможным». О сем было доведено до сведения III Отделения и самого просителя, после чего губернатор распорядился «считать дело закрытым».

Между тем в марте 1874 г. оно неожиданно возобновилось. На этот раз само Министерство Внутренних Дел выступило с инициативой дозволить Кукушкину открыть фотографию, конечно же, при условии «бдительного надзора». Радостное известие застало Кукушкина на Никольской мануфактуре Морозова в с. Орехово Покровского уезда, где он, несмотря на отсутствие разрешения, тем не менее уже занимался фотографией. Теперь же Василий Гаврилович мог делать это совершенно официально. Мало того, по специальному распоряжению губернатора у Кукушкина «отобрали сведения», не желает ли он иметь фотографию именно в Иваново-Вознесенске. Однако, к сожалению, открыть там фотографию Кукушкин в тот момент возможности не имел. Разрешение на открытие мастерской в Орехове было получено 16 июля 1874 г. Именно там мы и застаем Василия Гавриловича осенью 1876 г. И отсюда начнется многолетнее пошатное возвращение фотографа в желанный город — Иваново-Вознесенск, который в апреле 1869 г. он покинул в сопровождении двух «заарестовавших» его чинов уездной полиции.

Дело о награждении фотографа

А вот для другого фотографа, связанного с Шуйским уездом, постоянные контакты с полицией имели следствие положительное. Речь идет о ивановском фотографе П.А. Григорьеве.

П.А. Григорьев до своего приезда в Иваново жил и работал в Москве и имел звание «придворного фотографа». По данным полицейских рапортов, московский мешанин Григорьев открыл свою мастерскую в Иваново-Вознесенске в 1900 г.¹³, а в 1916 г. все еще продолжал работать на Павловской ул. в доме Гришечкина.¹⁴ Возможно, Павел Алексеевич так бы и остался для

нас одним из вереницы многочисленных ивановских фотографов, если бы не аккурратно заведенное 28 февраля 1912 г. канцелярией губернатора дело об «исходатайствовании» ему «высочайшей награды» за «производимые им фотографические снимки государственных преступников».¹⁵

Из переписки губернского жандармского управления (ГЖУ) и канцелярии губернатора мы узнаем интересные подробности. Оказывается, П.А. Григорьев, начиная с 1907 г., регулярно «производил фотографические снимки проходящих по делам канцелярии помощника начальника ГЖУ «в Шуйском и Ковровском уездах государственных преступников». Прием «уплачиваемая ему как профессионалу цена» была «крайне невелика, 3 рубля за 3 снимка в четырех видах (экземплярах)». Эту деятельность П.А. Григорьев начал в очень сложное время: шла революция 1905-1907 гг., правительство жестоко расправлялось с государственными преступниками, и ревностная помощь фотографа жандармерии не могла не найти отклика в их среде. Однако Павел Алексеевич оказался человеком стойким и последовательным и, несмотря на то, «что ему под давлением преступных лиц был объявлен бойкот, он не перестал аккурратно выполнять заказы». Мало того, «будучи глубоко убежденным правым, Григорьев всегда, когда мог быть полезным, оказывал содействие при разработке агентурных сведений: как человек, хорошо знающий город, давал очень ценные сведения по выяснению лиц при наблюдении за группой социал-революционеров». Исходя из всего этого Владимирское ГЖУ и считало возможным представить фотографа к награждению медалью или званием «личного почетного гражданина».

Вявя просьбе ГЖУ и наведя ряд справок о фотографе, владимирский губернатор Сазонов уже к 19 марта 1912 г. ходатайствовал перед МВД о представлении П.А. Григорьева «к серебряной наградной медали на Станиславской ленте с надписью «За усердие».

Дело «о производе в фотографиях снимков» во время «поездки особой важности»

Так в служебной переписке 1912-1913 гг. именовалось посещение Владимира и Суздаля императором и его семьей в рамках празднования 300-летия Дома Романовых.

Пройдет около трех лет, и в Шуе на Торговой площади начнет самостоятельную фотографическую деятельность старший сын известного суздальского фотографа Александр Александрович Соболев. Именно он и был тем фотографом, которому удалось пробиться через все препоны цензуры, чтобы сфотографировать историческое событие — пребывание Николая II с дочерьми в Суздале.¹⁶

Марафон этот начался еще в 1912 г. И прежде чем фотограф получал от специального бюро особые, «повсюду без исключения» пропускной билет,

требовалось несколько месяцев, в течение которых поданное претендентом прошение вместе со всеми оставшимися документами двигалось по инстанциям, а между канцелярией губернатора и Министерством Императорского Двора шла оживленная переписка.

Наконец в мае 1913 года А.А.Соболев, один из трех счастливыхчиков-фотографов Владимирской губ., получил разрешение следующего образца: «Канцелярия Министерства Императорского Двора сим удостоверяет, что предьявитель сего есть действительно такой-то, к кому с разрешения Г-на Министра Императорского Двора предоставлен на время Высочайшего пребывания в таком-то месяце сего года допуск к сборанию материалов, необходимых по его специальности». Остается только представить Александра Александровича, на ладикане пиджака которого красовался «пропускной билет» с фотографией владельца (совсем как современный фотокорреспондент), с фотоаппаратом на отромной треноге, торопящегося занять наиболее выгодное место для снимка уникального события.

- ¹ Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 14. Оп. 3. Д. 815.
- ² ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 17329.
- ³ ГАВО. Ф. 14. Оп. 3. Д. 4799.
- ⁴ ГАВО. Ф. 14. Оп. 3. Д. 3500.
- ⁵ ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 17580.
- ⁶ ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 17330. Д. 39.
- ⁷ ГАВО. Ф. 14. Оп. 3. Д. 3500. Д. 27.
- ⁸ ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 836.
- ⁹ ГАВО. Ф. 14. Оп. 3. Д. 5393.
- ¹⁰ ГАВО. Ф. 14. Оп. 11. Д. 1274.
- ¹¹ ГАВО. Ф. 14. Оп. 11. Д. 1281.
- ¹² ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 17474.
- ¹³ ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 2038.
- ¹⁴ ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 4426.
- ¹⁵ ГАВО. Ф. 14. Оп. 11. Д. 2844.
- ¹⁶ ГАВО. Ф. 14. Оп. 11. Д. 2793.

Ю.А.ИВАНОВ
(г. Шуя)
ПЛЕННЫЕ ТУРКИ В УЕЗДНОМ ГОРОДЕ. 1878 ГОД

Во Владимирскую губернию к декабрю 1877 г. было доставлено 765 пленных. Наибольшими партиями по 50-90 человек их разместили во Владимире, Юрьеве, Вязниках, Муроме, Александрове, Суздале, Переславле, Судогде и Гороховце¹.

Капитуляция гарнизона Плевны 28 ноября 1877 г., а затем окружение и пленение в сражении при Шейново 30-тысячной армии Вессель-таши резко увеличили количество пленных и заставили изыскивать новые места их размещения.

2 декабря 1877 г. начальник Московского Военного Округа известил Владимирского губернского военного начальника, что в уездный город Шую назначено к размещению 80 турецких пленных, о чем и было сообщено шуйскому городскому голове А.А.Листратову 12 декабря². До этого в Шуе пленных не размещали, что объяснялось в служебной переписке опасением волнений среди «фабричного и мастерового люда» — значительной части населения города (работчие 50 небольших текстильных фабрик и заводов составляли более половины из 18 тысяч горожан)³.

По инициативе рабочих шуйских фабрик еще в конце ноября 1876 г. в городском соборе была отслужена литургия в поддержку позиции России на Балканах, а уездному исправнику от лица рабочих был вручен адрес для представления Александру II с выражением преданности «по случаю настоящих великих событий, переживаемых Россией и Славянским миром»⁴. В деревнях Шуйского уезда матери ушедших на войну «несли сорокоуст» (служили по 40 молебнов), употребляли в пищу только хлеб и воду⁵. В июле 1877 г. в городе был освящен госпиталь на 60 коек «для нижних чинов», устроенный местным комитетом Общества попечения о раненых и больных воинах.

«Шуйские» документы, отложившиеся в губернских архивных фондах, дают целостное представление о положении пленных турок в российской глубинке.

Губернским Распорядительным комитетом, ведавшим пленными, на шуйскую городскую управу была возложена обязанность предоставить «особое казарменное помещение» для турок и обеспечить их всем необходимым (постельные, кухонные принадлежности и т.д.) «за казенный счет». В дальнейшем все расчеты на содержание военнопленных, кроме питания, проходили через городскую управу и шуйское казначейство. Они включали плату за подготовку и наем помещений, квартирные для офицеров, помыв в бане, чистку дымовых труб, ремонт, дрова и т.д.

К 1 января 1878 г. казарменное помещение «в доме купца Чулкова со двором и кухней, пекарней и столовой, со всеми приспособлениями для помещения военнопленных турок» было готово, о чем местные власти и уведомили уездного воинского начальника. В ожидании дополнительного поступления пленников в городе было запланировано подготовить еще две казармы, рассчитанные на 150 человек, но прекращение военных действий сняло эту проблему.

2 января 1878 г. из Владимира в Шушу была доставлена первая партия «плененских» турок: 40 рядовых, «2 штаб- и 8 обер-офицеров». Вторая партия – 30 рядовых – прибыла 12 января. Старшим по званию и возрасту среди пленных был подполковник-ветеринар Даниш-бей⁶.

В сопроводительных бумагах указывалось, что офицеры должны быть размещены в квартирах. На содержание обер-офицера выделялось 50 рублей в год, штаб-офицера – 100. Первоначально офицеров разместили в гостиничных «номерах Малухина», а уже 16 января расселили по квартирам, нанятым властями у шуйских мешан. В квартирах, «по существующему правилу», были кровати, стол, стулья; выделялись дрова и свечи для освещения. Офицерам было разрешено свободно передвигаться в черте города, делать покупки и самим нанять «лучшую» квартиру, но никому, кроме Даниш-бея это не удалось. По донесениям уездного исправника, появление турок не вызвало особого ажиотажа у горожан.

Неожиданную проблему перед уездными властями поставила смерть от болезни одного из офицеров – в городе с полнотью православным населением не было места для захоронения по мусульманскому обряду. Срочно, 20 января, было отведено «особое место для захоронения военнопленных турок», которое и в дальнейшем использовалось для погребения всех иноверцев: от мусульман до иудеев. К счастью, больше смертей среди пленных не было.

С определенными затруднениями столкнулись власти и в связи с необходимостью вымыть пленных: «содержатель торговой бани Балышев отказывается выпустить их даже за плату». Поэтому 25 января шуйский уездный исправник принял решение мыть пленных в тюремной бане. Только 31 января удалось нанять частную баню для турок у шуйского мешаннина А. Васильева «за 2 коп. с человека»⁷. Вообще, этно-конфессиональные моменты и бытовая ксенофобия оказались довольно заметны в ситуации, сложившейся вокруг пленных. Сказывались языковая изоляция, разница в вере, обычаях, пище (турки все для себя готовили отдельно).

Другой проблемой, о которой предупреждал уездные власти губернский Распорядительный комитет в своем циркуляре № 136 от 28 января 1878 г., была опасность распространения среди пленных инфекционных болезней, особенно тифа. Указывалось, что «призвано необходимым, чтобы в казармах военнопленных было устроено особое теплое помещение, для исполнения ими

обряда омовения, так как дознано, что военнопленные получают болезни большей частью от простуды, при исполнении означенного обряда на холодном воздухе, за неимением для этого особого помещения»⁸.

Действительно, уже в начале февраля все рядовые пленные (70 человек) поступились и оказались в лазарете 3-го стрелкового запасного полка, расквартированного в Шуше, откуда были выписаны только в конце февраля – начале марта 1878 г. В связи с этим уездный воинский начальник просил разрешить туркам омовение в нанятой ранее бане, но ее хозяин заявил, что «он не обязался обмывать их в своей бане», считая что она будет «оскверненной матометанами». Характерно, что и городская управа не поддерживала военные власти – религиозный аспект проблемы был слишком очевиден.

В донесении в Распорядительный комитет управа сообщала, что для совершения обряда омовения в казарме у пленных имеется «два чулана, в которых находится печь»⁹. Пожалуй, этим и завершился период обустройства военнопленных в Шуше. В дальнейшем перед властями будут стоять только финансовые проблемы их содержания: ни попыток побегать, ни реальных конфликтов с населением у турок не было.

После подписания Сан-Стефанского мирного договора с Турцией и решений Берлинского конгресса 1878 г. встал вопрос возвращения военнопленных на родину. 11 сентября 1878 г. все «наличные» турки были по железной дороге отправлены из Шуши в Севастополь. 13 октября шуйская городская управа сообщила в губернский Распорядительный комитет, что все помещения, занимаемые военнопленными, привелены в должный порядок и продезинфицированы, а казарма вновь занята нижними чинами местной воинской команды¹⁰.

Восьмимесячное пребывание турок в Шуше завершилось. Для большинства местных обывателей это было первое соприкосновение на личном опыте с иной верой и культурой. С конца 70-х гг. среди горожан получило распространение странное для российской глубинки выражение «беден как турецкий святой»...

¹ Государственный архив Ивановской области (ГИАИО). Ф. 369. Оп. 388. Л. 7-7об. Максимальное количество военнопленных, размещенных во Владимирской эвбернии в ходе русско-турецкой войны, с учетом перемещений – 835 человек.

² Там же. Л. 4.

³ Правдин Е. И. Описание города Шуши и Шуйских церквей. Шуша, 1884. С. 12.

⁴ Владимирские епархиальные ведомости. 1876. № 24. С. 1228.

⁵ Бит великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро князя В. Н. Тенишева. (На примере Владимирской эвбернии). СПб., 1993. С. 269.

⁶ ГИАИО. Ф. 369. Оп. 1. Д. 388. Л. 29. 31. 33. 69.

⁷ Там же. Л. 51-52.

⁸ Там же. Л. 53.

⁹ Там же. Л. 63-64.

¹⁰ Там же. Л. 91.

СЮЖЕТ ДЛЯ ГОЛОДИ (СЛУЧАЙ В СЕЛЬЦЕ КОЛОБОВО)

О.А.МОНЯКОВА
(г. Ковров)

Принтереснейший сюжет для своей повести нашел бы Н.В.Гоголь, если бы родился попозже на полстолетия, да случаем наведлся в небольшое село Колобово, что сейчас в Шульском районе Ивановской области, а когда-то состояло в обширном Ковровском уезде Владимирской губернии.

В 1895 г. в нем насчитывалось 36 дворов, 232 жители и две крупные механические бумаго-ткацкие фабрики с 895 рабочими, в основном, из близлежащих деревень.

Около 1858 г. купец 3-й гильдии Е.С.Кучин открыл ручную миткалево-ткацкую фабрику в с. Хозниково Быковской волости Ковровского уезда, что в 20 верстах от села Колобово¹. В 1869-1870 гг. он перенес свою фабрику в Колобово, построил для нее каменный корпус, а в 1871 г. обратил в механическую². Дела на новой фабрике не заладились с самого начала. В 1875 г. фабрика сгорела, в 1877 г. не работала «по случаю неудачных оборотов», а с 1 октября 1880 г. вообще перешла к купцам Горбуновым³.

Основателем Товарищества мануфактуры братьев Григория и Александра Горбуновых в 1826 г. был их дед, крестьянин Костромской губернии Нерехтского уезда села Широково Осип Афанасьевич Горбунов, родившийся в 1780 г. После его смерти (1845) начатое им дело продолжили вестн его сыновья Андрей и Климент, а от последнего, умершего в 1859 г. и оставившего капитал около 35 000 рублей, оно перешло к его сыновьям: Григорию, Александру и Максиму. В начальном своем периоде промышленная деятельность Горбуновых выражалась в производстве на нескольких ручных станках у себя дома средствами своей семьи, а затем стали отдавать пряжу в работу окрестным крестьянам-кустарям. Производство ткани в таком виде год от года развивалось все больше и больше и в 1873 г. достигло 73 000 кусков на сумму около 330 000 рублей, причем работа производилась только в течение шести осенних и зимних месяцев; участвовало в этой работе до 6 000 семейств. В 1869 г. ими была выстроена механическая ткацкая фабрика в селе Киселево Нерехтского уезда Костромской губернии на 112 станков. В 1872 г. фабрика имела уже 392 станка и около 500 рабочих. Стоимость годового производства по данным 1872 г. достигала уже около 600 000 рублей. Такое усиленное расширение производства побудило Горбуновых реорганизовать само дело, и в 1872 г. единоличное предприятие преобразовывается в «Торговый дом братьев Григория, Александра и Максима Горбуновых». В 1880 г. ими была

приобретена в собственность механическая ткацкая фабрика Кучина в селе Колобово⁴.

Но через 10 лет Ерофеей Кучин вновь строит в Колобове миткалеву фабрику, совсем рядом со своей бывшей. Трудились на обеих фабриках крестьяне окрестных деревень. На фабрики они добывались по дороге, пролегающей из всех близлежащих деревень через деревню Марково и далее поводом к многолетней тяжбе между соседями, в которую были вовлечены и рабочие обеих фабрик. Заинтересован спор оказался купец Кучин, считавший, что дорога проходит по его земле. Мирным путем соседям договориться не удалось. И вот 1 января 1899 г. владимирский губернатор Н.М. фон Цеймерн получил письмо от «плюдей, терпящих горести» следующего содержания: «...купец Кучин заградил дорогу, проходящую из всех деревень... на фабрики и на станцию Людвигино. Заградил не забором, а навалил на эту дорогу до двухсот возов коряг, обилил нечистотами из сортиров. Людвигино, кому следует проходить по этой дороге... не знают, где пройти и проехать, поэтому и следуют по этим корягам сажень 15, у которых ноги проваливаются между корягами так, что вытаскиваются с великой силой, а женщины падают вниз животом, а некоторые ходят последние месяцы беременности и могут на корягах разрешиться от бремени... Дорога завалена уже пятую неделю, а у местных властей распоряжения никакого...» Не ограничившись этим, Кучин 2 января приказал завалить ворота фабрики Горбуновых, чем «стеснил рабочих последнего», и среди них началось волнение.

В ответном письме 3 января губернатор предложил местным властям восстановить проезд силой, что и было выполнено ими 5 января⁵. Однако на этом конфликт не был исчерпан, и из года в год Кучин продолжал чинить препятствия горбуновским рабочим по ходу на фабрику, «поливая дорогу экскрементами», несмотря на то, что в 1902 г. Губернское правление разрешило ему устройство новой дороги. «Новая дорога, - читаем в рапорте ковровского исправника, - не отвечает необходимым требованиям: много длиннее старой, хуже ее: летом во время дождей, осенью и весной бывает непроходимой; поэтому рабочие Горбунова не желают ею пользоваться... Требования их справедливы...» В сентябре 1905 г. горбуновские рабочие в очередной раз выступили против козней соседа. 20 сентября Кучин послал губернатору телеграмму: «Горбуновские рабочие разломали забор, разнесли соломы омет, прощу принять меры к сохранению моего имущества».

В донесении владимирского губернатора от 24 июня 1906 г. читаем: «...ткацкая фабрика Кучина, имеющая рабочих 280 женщин и 250 мужчин и подростков находится рядом с ткацкой фабрикой Горбуновых. На последней сама администрация, или навстречу требованиям рабочих, увеличила заработок до 15-16 руб. в месяц, тогда как Кучин никаких прибавок и улучшений не делал, и заработок на его фабрике выражается в сумме 8-9

руб... Кучин отказался вести переговоры, демонстративно заявив, что «он не

желает вести их»). Срок найма рабочих окончился 31 мая, и нового найма Кучин не возобновил. Такое поведение возбудило рабочих, которые 15 июня разбили несколько стекол в фабричном корпусе и закидали колодец, но тотчас же прекратили, когда их стал угovarивать становой пристав, при этом рабочие заявили, что они согласны приступить к работам, если Кучин исполнит хотя бы два их требования: назначение квартирных и прекращение работ в предпраздничные дни в 6 часов вечера. Можно было опасаться, что рабочие соседней фабрики Горбуновых поддержат кучинских рабочих при погроме, так как горбуновские рабочие крайне недовольны Кучиным за то, что последний препятствует ходить им по спорному участку, обливая дорожку на этом участке экскрементами, таковая вражда продолжается уже несколько лет. Ввиду упомянутой опасности 15 июня на фабрику Кучина были посланы 7 человек полицейских стражников, которым Кучин ответил под квартиру никуда негодное помещение и грубо отказал в первоначальной выдаче им хлеба и чаю. Неуступчивость, черствость и способ обхождения с рабочими порождает у последних полное неуважение и ненависть к нему; за что Кучин многих часто увольняет, озлобляя этим против себя рабочих. Он постепенно явился самым упорным элементом к приведению справедливых отношений с рабочими, несмотря на мое письмо от 14 июня.

19 июня вновь имели по просьбе рабочих переговоры с ними, но опять отказал в упомянутых скромных требованиях⁷.

И в тот же день губернатор направил распоряжение ковровскому исправнику следующего содержания: «...если Кучин не даст порядочное помещение для полицейских стражников... немедленно стражников убрать с означенной фабрики. Если тот же фабрикант позволит себе обливаться дорожку, по которой ходят рабочие, экскрементами, то в каждом случае привлекать его за это к уголовной ответственности»⁸.

Был привлечен фабрикант-самодур к ответственности или нет, мы пока не узнали и в отличие от Н.В. Гоголя не можем дописать конец этой истории в сельце Колобово.

¹ Государственный архив Владимирской области (ГАВО), ф.14. Оп.3. Д.319.

² Там же. Д.2542. Д.9.

³ Там же.

⁴ 1000 лет русского предпринимательства. Из истории русских родов. М., 1995. С.265-266.

⁵ ГАВО. Ф.14. Оп.5. Д.1197. Л.1-6.

⁶ Там же. Д.1640.

⁷ Там же. Д.1677. Л.21.

⁸ Там же. Л.22.

Л.ПАТЯРЬЕВА
(г. Шуя)
ПИПИГА, ЧЕЛКУНЧИК, ПЫХТЕЛКА И ДРУГИЕ

Наблюдения показывают, что некоторые традиционные верования отпадают хорошая сохранностью, а соответствующая лексика — устойчивостью. Так в Ивановской обл. (в том числе на территории бывшего Шуяского уезда) широко известны образы низшей славянской мифологии, связанные своим происхождением с глубокой древностью.

Они домовных, леших, водяных и других представителей потустороннего мира, населяющих пространство вокруг человека, весьма многочислен. Люди говорят, что нечистая сила (*вражья сила, бесовинная сила, бесовитость, злыдни, нежить, нежить, неприятная сила, нечистика, промиева сириска, ходунки, лях, лях, Оеники*) всегда вокруг человека. Ее можно встретить в доме, в хозяйственных постройках, на огороде, в лесу, в поле, на болоте — всюду.

Самый известный мифологический персонаж — *домовой* — обитатель дома, ближайший сосед человека. Поэтому и именуется он так: *домовик, домовитка, домовика, домовая, домовица, домовичика, домовник, домовуха, хороминка* (вероятно, от слова «хоромы»), а также *соседушко, суседушко, суседко*. Это существо может жить в самых разных местах избы, например, в печи или около нее. В этом случае его называют *заничником, нечевым, нечином, поднечином, челником* (так как живет в челе русской печи). Если домовый облюбовал место на полатях, ближе к потолку, то его именуют *потолочником*. «Потолочник любит темноту, — говорит о нем, — на полатях-то темно, вот ему там и хорошо». На чердаке обитает *чардачник*. Под полом — *подпольчик, подпольница, подпольник, подпольшник*. В сенах — *сенник, сеник, сеница, сеной домовой*. «Да везде домовые, может, раньше и называли их по-другому, а в наше время все домовые. Только говорили, где он поселился: в бане — так *банный домовой*, в сеннике — так *сенной домовой*, в конюшне — *конюшечный домовой*. А какая разница-то? Все домовый, все *хозяин*», — говорит одна из наших собеседниц.

Домового признают существом более добродетельным, нежели вся другая нечисть. Так как он «от черта отстал, а к человеку не пристал», считают его «особой, отдельной доброй породой». Никто не позволяет себе выругаться именем домового, все и всегда говорят о нем с явной благосклонностью, представляя существом незлым, добродушным проказником. Это отношение отражено и в слове. Уважение, признание за домовым главенства в доме обнаруживаем в следующих наименованиях этого существа: *хозяин* или *хозяйка, хозяышко, набольший, большуха, кормиши* («Оттого и зовут его кормильцем, что без него и каши не сварить»). Добродушие домового отмечено словом *доброежил* или *доброежица, доброхот*. Теплога и сердечное

отношение к нему сквозит в таких «именах», как *кума, кумушка, домня, дедушко, дедко, шилок, поманька, дуканька*.

Уважение к домовому проявляется в том, что при переезде в новый дом его зовут с собой, говорят: «Иди, хозяин, с нами жить», «Мой домовый, пойдем со мной». Или: «Хозяинчушка-господин, пойдем в новый дом, на богатый двор, на житье, на бытие, на богатство». Если в доме два домовых (муж и жена), то приглашают обоих: «Дом-домовой, пойдем со мной, веди и домовуху-госпожу, чем умею, напращу».

Отношения с домовым могут складываться по-разному. «Каков хозяин, таков и домовый», - считают люди. Когда человек ленив и нерадив, домовый способствует приведению его хозяйства в упадок: бьет посуду, кричит, топает ногами. («У соседей домовик раньше злой был, все посуду бил»). Или: «Если хозяйка не поправится *домовике* - ничего ладиться не будет, выдохнется совсем»). Если хозяйка живёт в ладу со своим домовым, то он предупредительно нечастая, помогает по хозяйству. («*Домовика* по ночам хозяйкам помогает, она выполняет женскую работу: ищет потерянные нитки, иголки, придет пряжу, наводит чистоту и порядок в доме»). «Слышу за печкой ухватыв премит: то *домовика* хозяйничает, горшки из печи выдвигает». «*Занячник* запищит дом от пожара, наблюдает за исправностью печи. Если хозяйка угодит занячнику, то в доме всегда будет тепло и уютно, обед будет вкусным и вовремя сваренным. Для этого нужно каждый день выметать чело березовым венником и следить, чтобы не было грязи. Печь должна быть побелена и украшена занавесочками. Занячник любит порядок и уют в доме, он выходит ночью и следит за хозяйством». «*Чердачник* наблюдает за тем, чтобы не затрещал потолок, не задрожали дымоход, может залатать дыру на крыше»).

Чтобы сохранить хорошие отношения с домовым, нужно его задобривать. Вот так об этом говорят: «*Домовика* может принести радость, но и навлечь беду. *Домовицу* старались всячески задобривать, не раздражать». Один из способов задобривания таков: «На ночь же поесть оставь *домовике*: она поест и уйдет». «Только уважать *домовишечку* надо, подкормить. Вот и на дворе оставляли молоко. А коли вредить начинала, надо было специального козла покупать, вонючего. От него такой запах, такой запах! И домовый-то уходил с того места, и домовая А то и двух козлов держали».

Видел ли кто-нибудь домового? Такие свидетельства (очень немногочисленные) есть. Вот фрагмент рассказа Гуревой Александры Ивановны, жительницы Шуи: «Гдали обычно под Новый год. Вот так помню: венчальное кольцо в двенадцать часов кляли в воду. Сидим, боимся, руки-то не *слизбамт*. И один-та раз, может, *шшиги* там показались. Испугались мы, думаем, *находдичут* шас». Еще одно свидетельство: «Испытываю ощущение, что кто-то стоит за спиной, оглядываюсь резко: мелькает смутный образ *домихи* - высокой женщины в цветастой юбке».

Итак, если даже человек утверждает, что видел домового, то все-таки мельком и очень смутно, в подробностях и деталях разглядеть его не успел. И тем не менее облик домового всем хорошо известен. Кому-то по рассказам бабушек, дедушек, родителей, кому-то из произведений художественной литературы. В последнее время этот мифологический персонаж тиражирован средствами массовой информации: домовый стал даже героем рекламы. Наши информанты представляют его так: «*Соседушко* в виде человека, на одно лицо с хозяином», «Самой-то увидеть его не пришло, а вот мама рассказывала, мол, это маленький старичок-дедушка был, обросший шерстью и с большими ушами». На то, что это существо лохматое указывает и такое его наименование - *мохнатый*. Интересно в этой связи и слово *шшига*. Одно из его значений в современных шуйских говорах - «непричесанная женщина». Вероятно, в данном случае произошел перенос наименования по предпологаемому сходству. И еще одно говорящее имя - *фефёла*. Известно, что в некоторых говорах так называют толстую, неаккуратную, нерасторопную бабу! Можно предположить, следовательно, что существо, названное так, имеет неопрятный вид.

Откуда человеку известно, что в доме поселился домовый? Люди считают, что видят результаты его шалостей или вредительства. Например: «Не каждого хозяина любит. Бывало, у невестки-то, утречком-от встанет - все разбросано. Были на столе бобы для посадки, а утром-то их нашла в цветке - *радОм* уложены». «По ночам *кхитмора* шалит: то картошку по углам раскатает, то все банки перевернет». «С полочки в ванной комнате часто падает мыло и пухырек с шампунью. Через некоторое время приоткрывается дверь из ванны сантиметров на восемь». Если что-то в доме потерялось, считают это также проказками домового, говорят - «*дуканька* хвостом нарыль». К домовому обращаются с просьбой найти и вернуть потерянное: «*Шшига*, шшига, пошшиши, да на место положи. Шшига, шшига, поштрай, да обратно отдай».

Домовой дает о себе знать, издавая звуки: «Зимой вечерами, когда сильная вьюга завывает, говорят, что *суседко* подает голос». Или: «Часто я слышу, как *чердачник* ходит по чердаку». «*Кхитмора* мешает всем спать, воет и пищит». «Домовой по ночам просыпается, ходит, босыми ногами шлепает, свое хозяйство осматривает». Наименование *чэйкуничик* и *пыхтелка* свидетельствуют о том, что домовые могут шелкать и пыхтеть. *Шшига*, вероятно, шуршит (слово образовано от глагола «шшипать», «шшипиться» - шшипать, копошиться, а при совершении этого действия возникает шорох, шуршание).

Люди считают, что очень полезно жить в ладу со своим домовым, так как тот, кто хорошо понимает его, может предупредить ближайшее будущее. Марфа Даниловна Ракова называет такие приметы, связанные с домовым: «Если *дедушка* загремит посудой, осторожно обращайся с огнем - может быть

большой пожар; плачет и охает дедушка — к горю; смеется, скачет, песни поет — к радости; дергает за волосы — к ссоре с мужем».

И еще об одном проявлении домового. Наши собеседники рассказывают о существовании некоего духа, который «давит по ночам». Зафиксированы следующие его наименования: *гнеток, гнетка, гнетушка, гитля, засетя, жма, задав, задой, давушка, удав, удвник, настён, стень, стень, мень, шерстнатый, Любидя, мора, мяга*. Вот так описывают встречи с этим существом: «Моя сноха-то сказывала: «Ой, жонки, сегодня на меня стень накатила — не перед добром. Насилу опаматовалась. Сперва за горло хватял, а потом отступил». Или: «Когда спишь, то чувствуешь, что что-то тебя давит. Так теперь будешь знать, что это *удава*». Люди по-разному представляют внешний облик этого существа. Например, так: «По составу *загнетя* напоминает большой пузырь с водой, который прожит, как желе. Когда его сбрасываешь с себя, оно хлопает водянистыми ногами по полу». Другое описание: «*Мора* — худая, костлявая, с длинными руками и ногами, может даже превращаться в комара или котя». Или: «*Стень* появляется в неурошныи часы и давит спящих. Намедне меня стень давил. Это небольшого роста существо, напоминающее человека и имеющее густую темную шерсть. Оно приходит по ночам, набрасывается на человека и начинает его душить, и может задушить насмерть». «Утро. Пять часов. Открыв глаза, увиделладохматое существо небольшого роста, покрытое шерстью. Одеждо поехало вниз, он (*задав*) начал душить. Скинув его я прошептала молитву несколько раз — все куда-то исчезло». Заметим, что некоторые описания этого мифологического персонажа напоминают описания домового, что вполне согласуется с утверждениями наших информантов о том, что это существо — переродившийся, озлобившийся домовый, мстящий людям, но не какой-то особый дух. В известной работе М. Забылина также не дифференцируются эти два персонажа: «Домовой ... также наваливается во время ночи на спящего и давит его так, что в это время нельзя ни пошевелиться, ни сказать слова. Эта стень наваливается на того, кто спит на спине, в это время спрашивают, к худу или к добру, а домовый отвечает мрачным голосом — «да» или «нет»². Наши же информанты считают, что «*згнетка* только на согрешившего наваливается», что доброделательному человеку не прозлит быть заданным.

Таков собирательный образ домового, представляемый жителями Ивановской области (в том числе бывшето Шууского уезда), таковы «пределья простонародной старинь», дожившие до наших дней и отражающие вековую мудрость русского человека, его живую душу.

¹ Дале В. Толковый словарь живого великорусского языка. - М., 1981-1982. Т. 4.

² Забылин М. Русский народ, его бытчаня, обряды, пределья, суеверия и поэзия. - М., 1990. С. 246.

КАК НИКОЛАЙ П СПАСАЛ МЕСТНУЮ Икону

П. С. ДУБРОВСКИЙ
(г. Шуя)

Предпринимательство и иконопись, казалось бы, два абсолютно чуждых друг другу, несовместимых явления. Тем не менее именно предпринимательство, прочно вошедшее в наш быт, медленно, шаг за шагом отделило, а затем и полностью поглотило часть души русского человека — рукописную икону. И ни к чему говорить, что икону погубила революция. Процесс шел долго и мучительно, и как бы ни было обидно говорить об этом, не последнюю роль здесь сыграли сами монастыри.

Попробуем разобраться в этом непростом и болезненном процессе.

Итак, к концу 90-х годов XIX века в иконное производство — типичную «мануфактуру» первоначально — вторглась машина и механическое массовое производство. Случилось это сначала по отношению к самым дешевым сортам расхожих икон, изготовлявшихся в огромном количестве Холмуем и Мстерой, меньше Палехом. Распространялись такие сорта икон раньше офеями — розничными торговцами с возов на базарах России. Офенская торговля широко охватывала страну от северного моря до Кубани и от русского-польских границ до пределов дальней Сибири. Проникала дешева икона через офею и в соседние славянские страны. Офенскому делу был нанесен непоправимый удар в результате развития сети железных дорог. Иконописное производство, однако, справилось с этим кризисом. Пароходное и железнодорожное сообщение было использовано предпринимателями-иконописцами. Офеню заменил хозяйский приказчик или комиссионер, посредник по заказам. Дешевая рукописная икона шла не только на рынок, но посылалась огромными партиями в крупнейшие монастыри, продававшие дешево икону в миллионах экземпляров ботомольцам. Торговля иконами составляла одну из самых доходных статей таких, например, монастырей, как Троице-Сергиева и Киево-Печерская лавры. В целях удешевления себестоимости продаваемых икон крупнейшие монастыри установили в своих стенах собственные фабрики изготовления икон, продолжая, таким образом, свою старую линию.

В Москве предпринимчивые фирмы по изготовлению консервных жестянок Жако и Бонакера занялись фабрикацией дешевых печатных икон на жести и бумаге. Оригиналы заказывались живописцам или иконописцам и в объеме выполнялись тораздо тщательнее, чем те же иконы в ручной иконописной выделке, рассчитанной на массовую, дешево продажу.

Икона не только печаталась на жести с литографского камня, но штампом ей придавалась любимая массовым покупателем фактура. Имитировался металлический оклад — кованая риза, венцы с драгоценностями, выпуклый орнамент по каймам. Нарядная штампованная икона стояла много дешевле

иконы рукописной. Она быстро победила, решительно вытесняя с рынка икону рукописную. Экономические и производственные следствия этого факта не замедлили сказаться. В иконописных селах, главным образом, в Холуе и Метре, создалась кастропрофильское положение в деле изготовления расхожих икон. В большом круге ремесленников-иконописцев заработок сильно снизился, у некоторых его совсем не стало. Главными покупателями икон, изготовляемых новым машинным способом, оказались те же крупнейшие монастыри. На перепродаже жестяных штампованных икон богомольцам монастырями наживались огромные деньги.

Церковные и общественные круги, заинтересованные в этом деле, резко разделились на противников и защитников машины в иконописном производстве. В сущности, первые, поддерживая традиции старой и уходящей в своих основных формах культуры, были типичными романтиками, а последние, огираясь на общие экономические и производственные сдвиги, происходившие тогда в стране, были реалистами, за которыми было не только настоящее, но и ближайшее будущее. Они готовились стереть остатки старинной художественной культуры и заменить их штампами городской механизированной дешезки.

В такой обстановке в 1900 г. возникает «высочайше утвержденный» Комитет попечительства о русской иконописи. Он — результат объединения консервативной общественности, отражающей взгляды на художественную культуру аристократической землевладельческой верхушки, а также примыкающих к ней слоев интеллигенции и государственной власти, осторожно и умеренно помогавших этому делу. Комитет сначала затеял энергичную борьбу с машинным производством икон, но столкнулся с интересами крупнейших монастырей и противодействием Св. Синода и министерства финансов. Борьба была драматичной. Столкновение романтиков и реалистов очень подробно и живо можно проследить по журналам «высочайше утвержденного» Комитета попечительства о русской живописи с момента его образования.

В частности, в журнале Комитета от 18 февраля 1903 г. дается первое упоминание о жестяных изделениях Жако, мешавших в Киеве устройству иконописной мастерской и лавки Комитета по продаже рукописных икон. Оказалось, что кроме фирмы Жако изготовлением печатных икон занимаются литография Фесенко и Троице-Сергиева лавра. Комитет «выразил желание к скорейшему изысканию способов борьбы с машинным производством икон»¹. Журнал Комитета от 10 марта 1903 г. весь посвящен вопросу борьбы с машинным производством икон. Характерна докладая записка фирмы Бонакера о расширении производства печатных икон ввиду увеличения объема сбыта и о преобразовании фабрик на акционерных началах. Фирма предлагала, однако, Комитету, если бы он пожелал, «экспроприировать» фабрики на определенных условиях. Записка была

направлена Николаю II. Комитету было предложено изыскать меры к «прекращению вредного влияния машинного производства икон на русскую иконопись». Однако вместе с этим последовал протест обер-прокурора Синода, где говорилось о возможных убытках от закрытия фирм, печатающих иконы, и о необходимости согласовать предпринимаемые мероприятия с министерством финансов. Н.П.Кондаков представил Комитету докладную записку, в которой сжато и ярко характеризовал расстущее засилье машины в производстве икон, особенно на русском юге, рост частных предприятий и их барьершей на этом деле, начало германской экспансии в данном производстве, снижение объема работы даже в московских иконописных мастерских, но особенно в местах дешевого производства икон. Кондаков предлагал взять печатные икон в руки Комитета и сосредоточить его в лаврах, запретив производство печатных икон частным фирмам. Комитет принял аналогичное постановление.

Меры Комитета получили «высочайшее одобрение»². Получено было согласие большинства ведомств с мерами Комитета, а распространение печатных икон между тем продолжалось и ширилось вопреки усилиям Комитета.

Журналы Комитета постоянно знакомят с серьезным противодействием заинтересованных ведомств, которое было обусловлено и выгодами государства, и защитой основ капиталистической системы. Министерство финансов «соучаствуя предложениям Комитета», предлагало «постепенность исполнения». Оно — против немедленного запрещения печатания икон, так как было бы «невозможным удовлетворение спроса народа на православные иконы». Оно — за «продолжение на время деятельности изготовляющих печатные иконы фабрик»³. Нельзя запретить и привоз печатных икон из-за границы. Эта ясная, но весьма липмерная позиция была подкреплена мнением обер-прокурора Синода, более точным и категоричным. Он говорит, что только особым законодательным актом может быть отменено машинное производство икон: о том, что «лишь одно машинное производство может удовлетворить» массовые запросы, а «предложения Комитета направлены именно к совершенному стеснению машинного производства иконных изображений». Обер-прокурор остроумно и ядовито, с точки зрения церковно-канонической, критикует предложения Комитета о предоставлении монопольного права печатания икон лаврам, так как «сам монастырь получил бы неканонический вид и приобрел бы неканоническое значение промышленного предприятия и торговой фирмы, чего и канонически и в нравственном отношении допустить невозможно». Это обозначает «устранение всякой частной промышленности, промышленных учреждений, орудующих значительными капиталами и массой рабочего населения». Такой акт должен быть законодательным результатом координированного решения Министерства финансов, внутренних дел, юстиции. Обстрелянный такой

тяжелой артиллерией, Комитет решил, что если «по особо тяжелым условиям настоящего времени и невозможно приведение в исполнение всех выработанных им мероприятий для упорядочения и сокращения машинного производства икон, то возможно осуществление теперь же хотя бы некоторых из сих предложений». Комитет хотел теперь выяснить у Министерства юстиции, изобета «загрывать имущественные интересы фабрикантов», какие можно было бы применить «из высочайше одобренных мер по упорядочению и сокращению машинного производства икон»⁴. От такого решения Комитета дело, конечно, не могло продвигаться.

В 1907 г. Николай II принимает депутацию иконописцев Палеха, Холуя и Мстеры, ходатайствующих о запрещении печатания икон. Даны были обещания «заботиться облегчением тяжелого положения иконописцев». Депутация доложила Комитету о своих нуждах. Н.П.Кондаков, резюмируя сложившееся, принужден был заявить, что за 4 года борьбы «вопрос о сокращении машинного производства икон остается все в том же положении»⁵.

Яркой конюповкой всей истории служит письмо В.М.Васнецова от 12 марта 1909 г., адресованное председателю Комитета графу С.Д.Щереметьеву. Это крик души художника-романтика против волны машинной пошлятины, против капитализации. Васнецову все положение дел «представляется до некоторой степени похожим на то, как если бы министр финансов для борьбы с распространением фальшивых ассигнаций вздумал бы разрешить печатать частным лицам такие же фальшивые ассигнации, дабы конкуренцией ослабить производство...»⁶.

¹ Иконописный сборник, вып. I, с.8-9, журнал от 18 февраля 1903 г.

² Иконописный сборник, вып. II, с.11-22, журнал от 17 апреля 1903 г.

³ Иконописный сборник, вып. I, с.54-61, журнал от 6 мая 1905 г.

⁴ Там же.

⁵ Иконописный сборник, вып. II, с.16-32, журнал от 20 марта 1907 г.

⁶ Иконописный сборник, вып. III, с.115-121, журнал от 12 марта 1909 г.

СУДЬБА С.А.ЩЕКОЛДИНА: ФАКТЫ И ЗАГАДКИ

Е.В. АБРОСИМОВА
(г. Шуя)

В декабре 1903 г. в Шую пришло печальное известие из Москвы - там в расцвете сил ушел из жизни шуянский городской голова Сергей Алексеевич Щеколдин. В Москву он ездил по каким-то делам и, по слухам, умер прямо «на извозчике». Причина его внезапной смерти осталась неизвестной, но что еще более странно - отсутствие некролога в печатных изданиях нашей губернии...

В периодической печати дореволюционной России был широко распространен жанр некролога, посвященного обзору деятельности и характеристик не давно умершего человека. Авторство большинства некрологов принадлежало священнослужителям. Во «Владимирских губернских ведомостях» и «Владимирских епархиальных ведомостях» сохранилось большое количество некрологов шуян, написанных священниками Е.Правдиным, Д.Грамматиным и др. Их внимания прежде всего привлекала смерть наиболее почетных в городе людей: крупных купцов и фабрикантов, занимающих общественные должности; лиц, имеющих высокие гражданские чины и т.д. Именно к таким людям относился потомственный почетный гражданин города Шуи, городской голова Сергей Алексеевич Щеколдин (1860-1903). Он был известен не только в Шуе и уезде, но и во Владимирской губернии и даже по всей России, о чем свидетельствует следующий факт: в 1913 г. к 300-летию Дома Романовых была выпущена книга «Россия в ее прошлом и настоящем. 1613-1913», в которой в числе самых передовых людей России упоминаются и шуяские купцы - братья Сергей Алексеевич и Николай Алексеевич Щеколдины. Как городской голова С.А.Щеколдин, вероятно, участвовал в приветственной встрече Императора Николая II во Владимире в дни коронационных торжеств в 1896 г. Важно и то, что в это же время дом Щеколдиных в Шуе на Воздвиженской улице (ныне ул. Театральная, 25) был признан одним из наиболее ярко и празднично украшенных зданий в городе.

С.А.Щеколдин скончался в 1903 г., и было бы логичным предположить наличие во «Владимирских губернских ведомостях» его некролога. Однако при просмотривании «Владимирских губернских ведомостей» и «Владимирских епархиальных ведомостей» некролога С.А.Щеколдина обнаружить не удалось. Попытаемся восполнить этот пробел. Представленные сведения могли бы служить основой для дальнейшего написания некролога. Традиционно некролог включал в себя следующие части: сведения о родословной покойного, восхваление его жизни и деятельности на пользу общества, а также описание последних дней жизни и похорон. Поиски и

исследование материалов по данным вопросам позволили установить следующие факты.

Сергей Алексеевич Щеколдин родился 16 июня 1860 г.¹ в семье Алексея Васильевича и Анны Иосифовны. Мать его, урожденная Сенькова, была дочерью одного из богатейших купцов г. Вязники Владимирской губернии. Их дом дважды посещали члены Императорской семьи (в 1850 и 1858 гг.)². С.А.Щеколдин имел звание инженера-технолога, которое получил после пятилетней учебы на механическом отделении Императорского Московского технического училища.

Род Щеколдиных ведет свое начало из крепостных офеней. В начале XIX века Щеколдины работали, как и многие купцы того времени, благодаря торговле английской хлопчатобумажной пряжей. В 1859 г. только в селе Иваново они продали до 12000 пудов белой бумажной пряжи³. Во 2-й половине XIX в. фабричные корпуса Щеколдиных стояли без производства, работала лишь обойная паровая фабрика Василия Семеновича Щеколдина, двоюродного брата Сергея Алексеевича. Прекратив фабричную деятельность, Щеколдины посвятили себя общественному служению. Дядя Сергей Алексеевич, Григорий Васильевич, дважды выполнял обязанности шуйского городского головы (1851-1854, 1860-1863).

2 июня 1894 г. С.А.Щеколдин вступил в должность шуйского городского головы, которую занимал по день смерти в течение почти 10 лет. Пролжив два десятилетия, он был избран на третий срок. По этому повелу 15 мая 1903 г. в доме Щеколдина был дан праздничный обед, на который «откушать хлеба-соли» были приглашены именитые граждане города Шуи⁴.

Честно и добросовестно выполняя принятые на себя общественные обязанности, за время своей непродолжительной жизни С.А.Щеколдин занимал многие должности, являясь пожизненным членом Общества вспомоществования нуждающимся ученикам Шуйского духовного училища; почетным членом, председателем правления и председателем попечительного совета Общества вспомоществования нуждающимся ученикам Шуйской женской гимназии; почетным членом и членом правления Общества вспомоществования нуждающимся ученикам Шуйской мужской гимназии; действительным членом Общества вспомоществования нуждающимся воспитанникам Владимирской духовной семинарии; почетным мировым судьей города Шуи, городским судьей в уездном тюремном отделении; почетным членом Благотворительного Общества; членом-соревнователем Шуйского педагогического кружка. Следуя сложившейся традиции благотворительности, С.А.Щеколдин вносил безвозмездные пожертвования в многочисленные общества, создавая тем самым капитал для их дальнейшего развития.

На всех означенных поприщах общественной службы он оставил о себе самую благодарную память как неутомимый труженик, проникнутый

сознанием святости долга, и как щедрый человек, не жалевший на общественные нужды своих средств. Устраивалось ли в городе какое-либо благотворительное учреждение, С.А.Щеколдин всегда был одним из первых и самых деятельных членов. Так, в 1894 г. в Шуе создавалось Общество вспомоществования нуждающимся ученикам Шуйской мужской гимназии, и С.А.Щеколдин с полной готовностью согласился быть в числе его устроителей (вместе с братом Николаем), пожертвовав на организацию Общества 1000 рублей. Словом, не было в Шуе ни одного доброго предприятия, ни одного благотворительного или другого общественно-учреждения, которое устраивалось без его активного участия.

Но, как нередко бывает, внезапная смерть обрывает жизнь человека, а вместе с ней и все идеи, замыслы и творческие начинания. Скончался С.А.Щеколдин 7 декабря 1903 г. в Москве в возрасте 43 лет. Причину смерти, равно как и причину поездки в Москву, к сожалению, пока выяснить не удалось. Однако создать общую картину похорон позволяют документы и фотографии, хранящиеся в фондах Шуйского краеведческого музея. Из извещения о смерти становится ясно, что отпевание покойного состоялось в среду 10 декабря в 10 часов в московской церкви Большого Вознесения, которая находилась на Большой Никитской улице. На следующий день, в четверг 11 декабря, утренний поезд Московско-Нижегородской железной дороги привез тело усопшего в Шуи. Прибывший гроб от вокзала шуяне несли на руках. Фотографии позволяют воссоздать основные этапы этого маршрута. На одной из них запечатлена похоронная процессия в момент прохождения мимо Всехсвятского единоверческого женского монастыря. Большое количество людей в колонне свидетельствует об искреннем чувстве уважения шуян к С.А.Щеколдину. Это подтверждают и записи шуйского краеведа Н.А.Звездына, который характеризовал С.А.Щеколдина как популярного в городе человека «по своей доступности и общительности и с богатым, и с бедным»⁵. Периодически сменяя друг друга, шуяне несли гроб с телом покойного довольно большое расстояние. Другая фотография изображает горожан, пришедших проститься с усопшим к зданию городской управы. Можно предположить, что там проходила гражданская панихида. Сами похороны состоялись в пятницу 12 декабря. В соответствии с семейной традицией С.А.Щеколдин был погребен на Троицком кладбище, после литургии, отслуженной в Крестовоздвиженской церкви. Поминальный обед проходил в собственном доме покойного.

Так закончился земной путь Сергея Алексеевича Щеколдина. Он многое успел в своей жизни, но, по крайней мере, одно дело осталось незавершенным. Еще в 1898 г. С.А.Щеколдин поставил вопрос о необходимости перестройки здания городской думы, которое, по его мнению, не соответствовало цветущему виду города. Уже были составлены смета и план реконструкции, но смерть городского головы помешала закончить

начатое дело. И тогда все вопросы организации берет на себя брат С.А.Щеколдина - Николай Алексеевич, оплативший все расходы по строительству. Новый план реконструкции был разработан в строительном отделе Владимирского губернского правления. 19 июня 1904 г. был совершен молебен по случаю перестройки здания городской думы, а также была проведена панихида по бывшему городскому голове. Через полтора года строительство было закончено, и здание приобрело современный вид. 2 февраля 1906 г. в 12 часов дня состоялось освящение переустроенного здания, в котором разместились городская управа, общественный банк, спиротский суд и канцелярия мешанского старосты. Реконструкция обошлась Н.А.Щеколдину в сумму 36233 рубля⁶. Вот таким образом Н.А.Щеколдин воплотил в жизнь мечту своего покойного брата.

Кроме этого, память о городском голове С.А.Щеколдине сохранилась в Шувее благодаря стипендиям, учрежденным Н.А.Щеколдиным. Он пожертвовал в кассу городской управы свидетельства Государственной 4%-ой ренты на сумму в 1500 рублей на учреждение в Шувее женской гимназии стипендии имени бывшего Шувеекого городского головы и председателя попечительного совета Шувеекой женской гимназии инженера-технолога С.А.Щеколдина и на сумму в 5000 рублей на учреждение в Императорском Московском техническом училище или другом подобном учебном заведении для уроженцев города Шувее стипендии имени бывшего студента Императорского Московского технического училища инженера-технолога С.А.Щеколдина⁷.

До сих пор остается загадкой, почему смерть столь известного и значительного во Владимирской губернии человека никак не отразилась в губернских печатных изданиях...

¹ Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. 653. Оп. 2. Д. 17.

² Видоимирские епархиальные ведомости. 1872. № 22, с. 565-572.

³ Лавров И. М. Очерк торговли хлопчатобумажною тканью в городе Шувее и его уезде // Памятная книжка Видоимирской губ. на 1862 год. Вл., 1862.

⁴ Шувеекий краеведческий музей (ШКМ) 2669/466.

⁵ Архив ШКМ. Записки краеведа Н.А. Звездина.

⁶ ГАИО. Ф. 369. Оп. 1. Д. 143. Л. 10.

⁷ ШКМ 2618/575.

К.Е.БАЛДИН
(г. Иваново)
ГРИША БОСОЙ: ЭКСТРАСЕНС ИЛИ ЮРОДИВЫЙ

Издания на Руси пользовались большим почетом корольевы. Народ и власть имущие прислуживались к их речам, искали в них предсказание лучшего, судьбы личной и судьбы государства. Один из наиболее ярких примеров такого рода - Василий Блаженный - «Христа ради корольевый», живший в конце XV - начале XVI вв. Полубраздлетый, босой, отгороженный тяжелыми железными веригами, он в течение нескольких десятилетий порождал москвичей своими странными пророчествами, держал говорить правду в глаза даже Ивану Грозному. Когда он умер, то его гроб нес на плечах сам царь вместе с ближними боярами. В память его (а также в честь взятия Казани русскими войсками) на Красной площади столицы был построен изумительный по красоте Покровский собор, более известный как храм Василия Блаженного.

Немало было своих «блаженных» и в старом, дореволюционном Иваново-Вознесенске. Полиция города ежегодно составляла списки («малышенных»), которые затем препровождались в губернскую канцелярию¹. Они собирали толпы зевак, которые то внимательно слушали их, то дразнили и издевались над этими беззащитными людьми. Сведения о некоторых из них собраны в 1920-х гг. известный краевед И. Волков.

В конце XIX - начале XX вв. наибольшей популярностью пользовались в городе несколько таких колоритных личностей. Особенно выделялась среди них Дуня Анкулиновская. Летая в какое-то тряпье, с распушенными волосами, вечно полутьная, она напоминала велдму из народных сказок. Дни и ночи она проводила на улице, то ругаясь, то истерически рыдая. Временами дико и зловеще пророчествовала и кому-то угрожала. Нередко на улице развырвались безобразные слезы, когда подростки из фабричных для потехи начинали травить Дуню. Они задавали ей традиционный вопрос: «Ну-ка Дуня, покажи, как ты здорова!». В ответ старуха показывала известные части своего тела и отвечала: «А вот я как здорова!», сопровождая все это нецензурной бранью².

Ее изредка сопровождала Саша Моголочкова - еще нестарая женщина со следами отцветшей красоты. Она была тиха и печальна, однаково добра ко всем, в том числе и к мальчишкам, которые жестоко и изобретательно издевались над ней. Саша любила много и долго говорить, пристально глядя на собеседника. Хотя содержание ее монологов с трудом поддавалось расшифровке, тем не менее, находились люди, которые старались извлечь из ее слов какие-то полезные для себя намеки и предсказания.

Однако, пожалуй, наибольшей популярностью пользовалась среди Ивановских обывателей юродивая Саша Мухнина. Она жила у своих

родственников, которые никуда не выпускали ее из дома, держа как собаку на крепкой цепи. По отзывам современников, она отличалась необыкновенной прозорливостью, могла угадывать имена совершенно незнакомых людей, приходящих к ней, и знала, зачем они пришли. Ей сразу удавалось распознать тех, кто явился к ней из праздного любопытства. Таких Саша гнала прочь со словами: «Иди вон! Не хочу! Не надо!». Если посетитель был слишком назойлив, то Саша приходила в ярость, начинала ругаться и рваться с цепи. Тех, кто являлся к ней с какой-то нуждой или горем, она принимала с большим участием. Многим людям она помогала угадывать их судьбу или найти вора, укравшего какие-либо ценные вещи.

В конце XIX века популярность Саши Мухиной в Иваново-Вознесенске была очень велика. Предприимчивые родственники сумели сделать из нее своеобразную статью дохода, посетители платили за визит к Саше немалые по тому времени деньги.

Тогда же, около ста лет назад, в городе жила еще одна заметная личность - высокий, худой и седой как лунь старик по прозвищу Лопух или Дедушка Лопушник. Свою кличку он получил за то, что в летнее время обычно ночевал под открытым небом где-нибудь в глухом переулке в зарослях лопухов и крапивы. Лопух всегда ходил с непокрытой головой, в дырявом армяке и грубых холщовых штанах. При каждом его движении раздавался легкий звон - говорили, что это звенят под одеждой вериги. Его лицо чаще всего было обращено к небу, он любил распевать духовные стихи и изредка провозглашал:

- Покайтесь, православные! Ибо грядет день страшного суда, и сам Господь Бог призывает вас к ответу.

Затем Лопух тихим и проникновенным голосом заводил речь о том, что мир погряз в пороках и люди должны задуматься о спасении души. Эти импровизированные проповеди провозводили на толпу большое впечатление.

В начале XX века в Иваново-Вознесенске появляется некто по прозвищу Гриша Босой, который и является главным героем настоящего бытописательного очерка. Его настоящее имя - Григорий Васильевич Грунин, по званию - крестьянин деревни Колокша Воршинской волости Владимирского уезда. Мать его умерла рано, ребенка воспитывал отец. Последний в молодости служил в Москве кучером у известного миллионера Мауринна. После смерти хозяйина Грунин возвратился в свою деревню, некоторое время вел здесь разгульную жизнь - пьянствовал, буйнил, угрожал односельчанам поджогами. Те всерьез опасались его: мужик был силы немощной, говорят, мог поднять 25 пудов. Местный пастух в драке колом перешиб ему ноги, пришлось буйну взяться за костыли. После этого утихомирившийся Грунин-отец перебрался в Москву, где занялся профессиональным нищенством. В начале XX века, когда уже начались похождения его сына, старик был еще жив. Ему в это время было уже крепко

за восемьдесят, он кормился именем Христовым возле Иверских ворот в Москве³.

Григорий начал самостоятельно зарабатывать на хлеб с 16-17 лет, когда он пошел трудиться на фабрику, сначала в Собинке, потом - в Иваново-Вознесенске. Лет через десять он неожиданно бросил работу и исчез на некоторое время из «Русского Манчестера». Сам он описывал происшедшее с ним так: «Какой-то голос настойчиво твердил мне, чтобы я бросил работу, шел в село Дунилово (Шуйского уезда) и помолился там у чудотворной иконы Николая-угодника». Он так и сделал, а затем услышал тот же голос, который велел ему идти в Троице-Сергиеву лавру. Был декабрь месяц, морозы стояли лютые. Григорий вышел из Дунилова за околицу и вдруг почувствовал необычайный жар в теле и особенно - в ногах. Он сбросил валенки и пошел босиком, не ощущая холода.

В лавре Гриша несколько раз прикладывался к мощам святого Сергия и здесь-то, по его словам, и осенила его мысль о том, что неправильно живут люди на свете и некому наставить их на путь истинный. Внутренний голос внушал ему: «Пойди и научи. Спаси людей»⁴.

По крайней мере, внешние данные для занятий пророчеством у него были. По свидетельству очевидцев, это был крепкий мужик 35-40 лет от роду с глубокими большими глазами и притягивающим взглядом. Если верить описаниям знавших его людей, то он чем-то напоминал своего тораздо более знаменитого современника и тезку - Григория Распутина. По гезетным публикациям можно воспроизвести некоторые другие детали его внешности: грязные волосы космами спускались на лоб, по плечам и по спине. Обычная одежда - засаленная поддевка и картуз, в руках - суковатая палка.

Начало проповеднической деятельности Григория нельзя назвать удачным. В 1903 г. он оказался во Владимирской психиатрической больнице. Поводом для помещения в лечебницу стало его повеление в церкви, где он порпал духовенство и вообще вел себя не совсем подобающе. Через месяц он был выпущен как «неопасный» и возвратился в Иваново-Вознесенск. После этого он стал осторожнее и действовал не сам, а через своих учеников.

Жил он обычно в пригородах Иваново-Вознесенска - на Ямах или в Рылихе у своих приверженцев. Спал круглый год на свежем воздухе в сарае, укутываясь легким ватным одеялом. На вопрос беседовавшего с ним иваново-вознесенского полицмейстера Виноградова о том, почему он даже в лютые морозы ходит босой, Гриша отвечал, что ему в обуви «жарко»⁵.

Вокруг Гриши постепенно стали формироваться круг его приверженцев. Одним из самых ревностных был Семен Кузнецов, который в свое время работал в Рылихе ночным сторожем. Однако он страдал продолжительными и регулярными запоями, отчего был выгнан с работы. Гриша, решив выгнать Кузнецова от такой напасти, стал читать над ним молитвы, кропить его чудотворенной водой, которую сам изготовлял. Говорили, что оставший

сторож после этого вообще перестал брать в рот хмельное. Этот случай заметно прибавил популярности Грише Босому.

Его ученики обычно сходились на квартиру к Семену Кузнецову. Собрания начинались тем, что заунывно пели «Христос Воскресе», били кологушкой в бочку за неимением иных музыкальных инструментов. Затем начиналось чтение Священного Писания, оно сопровождалось довольно экзотическими комментариями Гриши. С наступлением одиннадцатых часов вечера все собравшиеся ложились на пол и замирали до полуночи. По словам Гриши Босого, это делалось потому, что час, предшествующий полуночи — «потаный час», время, когда нечисть особенно сильна и может запросто одолеть христианина. Особенно большое внимание в своих поучениях Гриша уделял тому, что большинство людей живет неправедно и следует во всеуслышание обличать различные грехи человеческие.

Гришины проповеди стали приносить свои плоды. Его сторонники устроили несколько публичных скандалов в ивановских храмах. Как сообщила пресса, осенью 1909 г. одна их учениц Гриши во время проповеди в Вознесенской церкви громко закричала, прерывая священника: «Мы все заблудились, все погрязли в грехах! В храм Божий стали ходить в шпипках, с табачком в кармане. Нет благочестия! Оквернили храм Божий!». Среди прихожан произошло сматение, багатошка тоже растерялся. Такие же скандалы были устроены учениками Гриши в Воздвиженской церкви и в храме Владимирской женской общины. А в часове на торговой площади одна из последовательниц Гриши бросилась на прилично одетых барышень с криком «жиды пришли!» и сорвала с одной из них шпипку⁵.

Пришлось вмешаться полиции. Она арестовала Гришу Босого. Весть об этом быстро распространилась, и собралась небольшая группа его последователей, они упали на колени, пытались целовать ноги своего учителя и восклицали: «Спаситель наш! Спасителя ведут на распятие!». Вместе с Гришей арестовали пять его наиболее активных учеников, их отправили на испытание во Владимирскую психиатрическую лечебницу. Гришу в полицейском управлении «распинать» не стали, продержали под замком недолго и вскоре выпустили, и он продолжил свое «подвижничество»⁷.

Идей у него было много, некоторые из них были весьма затейливыми. Гриша часто говорил о «премудром медном змие» и о «семиголовой гидре», которая якобы живет в Уводи и губит православный народ. Трудно поверить, чтобы в Уводи могло обитать что-либо живое. Река от фабричных стоков была настолько грязна, что в ней не водилось даже лягушек, не то что какие-либо «змеи» и «гидры». Кстати, под этими страшноватыми персонажами Гриша Босой, по сообщением прессы, подразумевал иваново-вознесенских фабрикантов. Указывали даже на одного, совершенно конкретного прототипа этих пресмыкающихся, это был известный сипцевик Мефодий Гарелин, отливавшийся своей феноменальной жадностью в мелочах.

Кроме сказок «про гидру» Гриша рассказывал и другие совершенно невероятные истории. Тем не менее, почитатели Гриши искренне поверили ему, когда он в 1908 г. заявил, что вскоре умрет, а потом воскреснет. Они заранее заказали ему крест и гроб с надписью: «Здесь лежит спаситель мира». Однако «усение» и дальнейшее воскресение новоявленного пророка, конечно, не состоялось.

Изредка Гриша Босой исчезал из города, отправляясь странствовать. Побывал он и в Нижнем Новгороде, где встречался с Максимом Горьким. Но он не поправился ивановскому «мессии»: его возмутил совет Горького не ходить босиком и обувь хотя бы лапти.

Возникает вполне закономерный вопрос — был ли Гриша Босой основателем если не какой-то религии, то по крайней мере особой секты, или же он со своими приверженцами примыкал к известным в то время нетрадиционным религиозным течениям. Чаще всего в прессе связывают секту Гриши с иоаннитами. Они появились в России в 80-х гг. XIX в. и были связаны с именем известного священника отца Иоанна Кронштадтского. Его фанатичные поклонники объявили отца Иоанна чудотворцем, а некоторые считали даже воплощением Иисуса Христа. Отметим попутно, что сам Иоанн Кронштадтский относился к этой секте отрицательно.

Именно к этому религиозному течению и относился Гриша Босой с его адептами, хотя сам он широко не афишировал это. В частной беседе он признавался, что после смерти отца Иоанна благодать последнего перешла на него. Гриша также говорил, что в ту ночь, когда отец Иоанн отошел в иной мир (умер 20 декабря 1908 года), он видел в небе красный месяц, с которого капала кровь⁸.

Таковы были наиболее известные юродивые, жившие около ста лет назад в Иваново-Вознесенске. Безусловно, среди них были люди просто душевнобольные и слабоумные. Однако встречались и такие, которые обладали несомненными экстрасенсорными данными, могли читать чужие мысли, обладали способностью внушения, могли исцелять людей от недугов. Сейчас, через сто лет трудно делать на этот счет какие-то однозначные выводы, так как свидетельства, оставленные современниками, фрагментарны и противоречивы.

¹ Государственный архив Ивановской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 613. Л. 12-13.

² Северный край. Ярославль. 1901. 3 сентября.

³ Старый владимирец. Владимир. 1909. 11 декабря.

⁴ Там же.

⁵ Государственный архив Владимирской области. Ф. 14. Оп. 4. Д. 3074. Л. 29.

⁶ Старый владимирец. 1909. 5 ноября.

⁷ Старый владимирец. 1909. 8 ноября.

⁸ Жизнеописание достопамятных людей земли Русской. X-XV вв. М., 1992. С. 295.

НЕОБЫЧНАЯ ВСТРЕЧА
(«АРСЕНИЙ» И В.Н.БАЛЬМОНТ)

В Шуйском музейно-культурном центре им. М.В.Фрунзе хранится фонд В.О.Броуна Виктор Осипович Броун (Стамбулов) – шуйнин, соратник М.В.Фрунзе, участник революционного подполья в Шуе, писатель-публицист, автор книг и статей о Франции, Турции и Ближнем Востоке, где в течение многих лет работал в качестве советского дипломата. Последние годы жизни (умер в 1955 г.) был редактором и рецензентом издательства «Советский писатель». Среди документов этого фонда находится машинописный текст «Воспоминания о Фрунзе»¹, датированный 13 октября 1953 г. Данные мемуары были опубликованы в разное время², однако имели значительные сокращения.

Знакомство с оригиналом воспоминаний позволило выявить любопытный факт из жизни двух известных личностей г. Шуи начала XX в. – профессионального революционера М.В.Фрунзе и Веры Николаевны Бальмонт, матери поэта К.Бальмонта. В.О.Броун познакомился с иваново-вознесенским подпольщиком Фрунзе (партийная кличка «Арсений») осенью 1906 г. на студенческо-гимназическом собрании. Через неделю Арсений появился в доме Софьи Михайловны Броун – матери В.Броуна. В воспоминаниях Виктора Броуна читаем: «С самого начала вся наша семья полюбила М.В.Фрунзе как родного. Мать относилась к нему как к члену семьи, штотогда ему белье, шила наволочки, беспокоилась о нем, когда он запаздывал, и, будучи исключительно хлебосольной хозяйкой, старалась накормить чем повкуснее. Эта забота передавалась и нашей домашней работнице, простой пожилой женщине Марье, которая, подавая блюда, всегда спрашивала М.В., любит ли он этот борщ или это жаркое, хотя Арсений менее всего был притязателен в еде и ел все с одинаковым аппетитом»³. Постепенно квартира Броун стала конспиративной квартирой М.В.Фрунзе. «С наступлением зимних холодов, когда созывать массу на открытие воздуха в далеком лесу становилось труднее, Арсений стал чаще бывать у нас и иногда по неделям жил в нашей квартире. К нам по большей части ходили гимназисты и гимназистки, так или иначе связанные с революционным движением. Опасаться их не приходилось, так что при их приходе Арсений не прятался... Понятно, при появлении людей совсем иного круга, Арсений либо оставался в моей комнате, либо представлялся как заезжий петербургский студент. Так было, помню, с Верой Николаевной Бальмонт (мать поэта и жена председателя земской управы). Она была очень дружна с моей матерью и иногда приезжала на «борщ», которым славился наш дом. Как-то раз Бальмонт пришла неожиданно, когда мы все уже сидели за столом. Мы решили не

прятать Арсения и представили его старухе. За обедом Бальмонт очень благоосклонно разговаривала с незнакомым студентом, а потом говорила моей матери, что она восхищена его образованностью и остроумием»⁴. О чем шла беседа за знаменитым борщом, как воспринял молодой Фрунзе 64-летнюю В.Н.Бальмонт, неизвестно. Однако вполне возможно предположить, что во время беседы они касались и вопросов литературы. М.В.Фрунзе знал творчество Бальмонта, прекрасно декламировал его стихи. Свидетельством этому могут быть воспоминания гимназистки Августы Тимофеевой (в замужестве Никольской) о вечере в доме Александра Дамской в 1906 г.⁵ «Молодежь Шуи особенно увлеклась Бальмонтом. Помню, как Арсений декламировал свое любимое стихотворение «Как испанец»⁶. Любопытно, что молное литературное направление – символизм, у истоков которого стоял Бальмонт, волновало Фрунзе даже в тюрьме. Будучи узником Владимирской тюрьмы, он переписывается с Виктором Броуном. За несколько месяцев 1908 г. Броун получил 6 или 7 писем. Из воспоминаний Броуна известно, что в «одном из писем Фрунзе с возмущением говорил о декадентстве. Он резко и убедительно критиковал это течение (почти все письмо было заполнено этой критикой), приводя в пример нелепости декадентской поэзии строку В.Брюсова «О, закрой свои бледные ноги»⁷. И все же вернемся к необычной встрече и уточним ее адрес. В воспоминаниях он значится как улица Ковровская, дом № 12. О судьбе этого дома В.О.Броун выражал свое беспокойство в письме от 27 августа 1953 г. (письмо хранится в музейно-культурном центре им. Фрунзе): «Мне хотелось бы знать, удалось ли вам взять на учет дом № 12 по Ковровской улице?» В данный момент, пожалуй, не столь важно, взят ли дом на учет, важно то, что он сохранился. Это двухэтажный деревянный дом по улице Свердлова (бывшей Ковровской), где зимой 1906 г. произошла столь необычная встреча.

¹ Шуйский мемориальный музей М.В.Фрунзе (ШММФ) 800/1.

² Броун В.О. М.В.Фрунзе, когда он еще был «поварщиком Арсением» // Глазья (Харьков). 1925. № 21/41: О Михаиле Фрунзе: воспоминания, очерки, статьи современников. - М., 1985. - С. 287.

³ ШММФ 800/1.

⁴ Там же.

⁵ Жюков М. Его стихи читал Арсений // Знамя коммунизма (Шуя). 1987. 16 июня.

⁶ Там же.

⁷ ШММФ 800/1.

О.К.ПЕРЕВЕРЗЕВ
(г. Иваново)

ПЕРВОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ*

4 апреля 1926 г. в рижской эмигрантской газете «Сегодня» появился расказ-воспоминание П.Пильского¹ о трагическом происшествии, случившемся вдали от берегов Тезы.

Смерть багерины

Последний раз в России я увидел Пасху в 1918 году. Это было в Петербурге. Потом я уехал на Геманскую Украину, а когда в Киев пришли большевики, я перебрался в Одессу. Французское командование сдало и Одессу², и французы, греческие войска и генерал Шварц с добровольческими частями отплыли кто куда, а мне было плыть некуда и не на что. Я остался и встретил плохую Пасху.

Нам выдавали по четверти фунта хлеба. Он был зеленовато-желт. Говорили, что его некут из горюха, которым греки кормили своих мулов.

С каждым днем становилось хуже. Что будем, что ждем нас, когда и чем все это кончится — я не знал и никто не знал.

Пасха пришла в наряде цветом, и они были везде, несмотря на всю печаль дней, их алешие, синешие, желтевшие охапки продавались на улицах и особенно много на углу Екатеринбургской и Дерибасовской.

Сверкала южная весна, зеленое в золоте раскинулось море, помпиду чудесные темные ночи, но душа была пуста и где-то, на ее дне, лежала свернувшаяся комочком безнадежность.

Однажды утром раздался звонок. Пришел актер бывшего Суворинского театра В.С.-ий. Он приглашал мою жену, артистку Е.С.Кузнецову, служить в Передвижном театре. Вместе с ней труда С.-ий звал и меня. Театру был нужен лектор, и я должен был объяснять слушателям содержание и смысл пьесы. Конечно, мы согласились.

На другой день я осматривал театр. Он был сделан очень искусно и в один час его можно было разобрать и собрать, его сцена была вместительна — кроме того, нам давали еще и кинематограф.

Все-таки главной приманкой было путешествие. Театр назывался передвижным, и его должны были увезти куда-то в глушь, в глубь местечек и сел.

Так оно действительно и случилось.

Обставили нас хорошо. Паск был сытный, и руководителем кухни был назначен главный повар лучшей «Лондонской» гостиницы. За актерами тогда ухаживали, и в нашу труппу пошло много опытных артистов с положенным

и именами. В ее составе приняла участие и молодая багерица Вера Воронцова-Ленни, жена того же В.С.-аго.

Мы позачакомались, и с первого же момента она на меня произвела какое-то тревожное впечатление. Ее движения были нервные, она оплывалась большой несдержанностью, быстро всхлипывала, легко выдавала свой явный, нескрываемый истеризм. Но, как все всхлипывающие люди, эта страстная, бледная и подвыжженная женщина была добра, отзывчива, проста в обращении, незлопыхитна и легкомысленна, а как все истерички, страдала безволием и рассеянностью до такой степени, что едва ли она очень твердо помнила о существовании своей прелестной прехлестней девочки.

На свою жену В.С.-ий молчал: для него она была светлым и безгрешным ангелом святых небес, и я редко встречал в жизни такое бесприветное и некорное мужское обожание.

Воронцова-Ленни должна была ехать с нами. В последний момент она, однако, раздумала. Связанная дружбой с другой молодой багериной, Марией Курьевной, она осталась в Одессе, а нас повезли в местечко Голту, нынешнему — Первомайск.

Пошли репетиции, начались спектакли, труппа царела, а перед подвятием занавеса, я, как строгий наставник, покрививая, рассказывал настроженными краснофрейцами содержание пьесы и объяснял великое значение театра. С В.С.-им мы скоро сблизились. Он был приятным собеседником, очень воспитан, знал и любил театр, в Петербурге у нас сталося очень много общих знакомых.

Так проходили дни.

Но вот однажды, с тревогой на лице ко мне прибежал какой-то чин местного заготовительного комиссариата и, путаясь в словах, заикаясь и тряся дрожжащею рукой телеграфный листок, сообщила страшную новость: Воронцова-Ленни убита.

Это было под вечер. Актеры уже разморозились. Чин просил меня во что бы то ни стало и как можно скорее сообщить об этом В.С.-му.

Легко сказать! Не угодно ли пойти за кулисы к мужу и сказать, что его жена убита.

По правилам всех театров мира, актерам перед спектаклем и во время представления запрещается передавать не только телеграммы, не только такие роковые известия, но даже простые письма. В данном случае дело было не так просто. Поезд из Голты отходил в 11 часов. Если С.-му не удастся уехать сегодня, он тервет целые сутки. Спектакль нужно было знать. Я задумался, как поступить? Мои колебания были коротки, и долгу перед человеком и мужем я принес в жертву мое почтение к строгому кодексу кулис.

* Печатается в авторской редакции

В задумчивости я направился на Богопольскую площадь, где среди небольшого парка высятся наш деревянный театр, перед ним стоял ряд длинных скамей, у кассы ждала очередь публики.

Шло «Темное пятно»³. Я вошел в уборную. С-ий сидел перед зеркалом, и лицо его было черное, как у трубочиста. Он играл негра. Я поздоровался, постоял, подумал и вышел. В коридоре мне встретился помощник режиссера. Я ему сказал:

- Гоните спектакль во всю. Моей стимулятивной лекции я читать сегодня не буду. Надо окончить все к 10 часам.

Помощник взмахнул руками:

- Что вы? Разве это возможно? Мы и так начинаем с опозданием.

Тогда я его отвел в угол и, взяв за борт куртки, упрямо и раздельно выговорил:

- В Одессе убита Воронцова-Ленни. С-ий об этом ничего пока не знает. Но он должен уехать сегодня 11-часовым поездом. Поняли?

Он схватился за голову:

- Не говорите ему хоть до спектакля.

- До спектакля не скажу. Но в первом же антракте начну подготавливать, а вы ни единым взглядом не покажете, что знаете.

Я ушел. Окончилось первое действие. В уборной я взял С-го под руку.

- Я должен сообщить вам неприятную новость.

Он исполошился:

- Какую? В чем дело?

- С вашей женой случилось ... несчастье.

Он остановился передо мной, молниенно сложил руки и быстрым умоляющим шепотом произнес одно слово:

- Умерла?

На одну секунду я заколебался. Длитель ложь или сразу открыть правду? У меня вышло ни то, ни се: я решил и не решился.

- Не думаю ... но может ... быть и это.

Я крепко сжал его обе руки выше локтей.

- Чем гадать, лучше всего вам сегодня же поехать в Одессу. Поезд отходит в 11 часов. Поскорее кончайте спектакль.

И я сел на свое место. Подняли занавес. Вышел С-ий. Я сидел, смотрел и, весь напряженный, ждал, что вот-вот он сорвется с тона, махнет рукой, уйдет за кулисы и спектакль окончится.

Но С-ий играл. Только в одном месте я заметил, как он тихо, неприметно повернулся к публике спиной, отошел в угол сцены и приложил платок к глазам.

Ну, вот сейчас... - подумал я.

Нет, с чуть подтаившим эримом С-ий снова повел роль, и я еще раз изумился этой выдержке профессионального актера.

После второго акта, в последнем антракте, я снова был в уборной. Положив голову на руки, сотрясаясь все телом, С-ий плакал навзрыд, и его черные грим сморщился и бледнел.

Потом мы посадили его в поезд, и вместе с другими актером он уехал.

Все это было нежданно, таинственно и непонятно. Кто убит? Как погибла эта бесполойная и тагампилкая женищина? Никто не мог ответить.

И только тогда, когда они вернулись оба - разбитый и измученный С-ий вместе со своей маленькой дочкой и ее нянькой и сопровождающий его актер, перед нами раскрылась тайна.

Воронцов-Ленни убит какой-то врач из одесской чека. Он часто бывал у нее. Лглось вино, пропадали поздние часы ночи, несомненно, были кокаи и морфий - сказала больная жизнь.

В то утро хозяйка квартиры забеспокоилась. За закрытой дверью Воронцова-Ленни стояла машина. Хозяйка постучала - ответа не было. Она стала неистово колотить в дверь - ни звука, ни шороха. И она бросилась в милицию.

Когда вошли в комнату балерини, увидели странное.

В крови, с полураскрытым ртом, павшим равнодушную улыбку, она лежала на кровати. На столе стояли пустые бутылки шампанского, багряная недоодеванная груша. И на постели, и по всему окровавленному платью, и по полу были разбросаны цветы. У ног Воронцова-Ленни, соскользнув вниз, лежал, полуживой, свесив голову, раненый врач из чека.

И эти цветы, вино, погибшая балерина, мужщина у ног мне показались сценой из мейндров. Но тайна не раскрыла себя, и о том, как и почему это случилось, мы не узнали, а С-ий не хотел знать.

Но и до сих пор я помню тот вечер в театре, черный спектаклий грим и эту бледную тонкую и нервную балерину, с удивительным искусством танцевавшую закруженный танец. Он назывался «Гашчиш»⁴.

Героиня рассказа Вера Сергеевна Воронцова-Ленни (Петрова) (1896(?) - 1919) принадлежала к известной театральной семье. Отец ее, Сергей Константинович Ленни (Алафузов), талантливый актер, режиссер, театральный писатель был основателем петербургского театра «Фарс» («Невский Фарс»). Мать - Маргарита Николаевна Воронцова-Ленни - популярная актриса того же театра. Училась Верочка Ленни в балетном отделеении Петербургского театрального училища. В 1913 г., в выпускном классе, у нее завязался роман с обещавшим «развиться весьма серьезным дарованием»⁵, артистом Императорского Александринского театра Павлом Ивановичем Лешковым (1884-1964). В том году он с успехом выступил в роли Михаила Романова в помпезном представлении по пьесе Н. Чаева «Избранние на царство Михаилу Федоровичу Романову», поставленном на

Александринской сцене к 300-летию Дома Романовых. Увлечение юной балериной оказалось непродолжительным, и о том, что в конце года у него появилась дочь, будущая шуйская поэтесса, П.И. Лешков узнал лишь через двенадцать лет⁶.

По окончании училища Веру Сергеевну ожидала нелегкая судьба артистки. Напомним, что система стационарных театров создавалась в стране лишь в 1930-е годы, а до тех пор основная часть присяжных Мельпомены и Терпсихоры обрела себя на пожизненное кочевье от Вологды до Керчи и от Варшавы до Иркутска. Вступавшая в самостоятельную жизнь молодая балерина была круглой сиротой, и обстоятельство сие вынудило ее отъезд в Иркутск, временно, как она полагала, на воспитание доброй знакомой – Надежде Григорьевне Власовой. Семья ее стала на многие годы родной для Риты, а Надежду Григорьевну она до последних дней называла «мамой».

Годом 1918-19 гг. Власовы, вместе с другой петроградской семьей, пережили в эвакуации, в Уфе. Весть о смерти «мамы Веры» дошла до Надежды Григорьевны, но от девочки ее, по понятным причинам, скрыли. Рассказ Пильского, присланный автором сообщения, Маргарита Павловна Лешкова впервые прочла в мае 1996 г. Вот ее ответное письмо:

11 мая [1996]

<...> 9-го получила Ваше письмо, с материалом о смерти мамы Веры...

Благодарю Вас... Слов нет...

Все было предопределено!

И Ваше участие в моей судьбе, и чтобы этот материал попал в Ваши руки <...>, и чтобы я его узнала и прочла. Видит Бог, воспитанная Н.Г.⁷ я не посмегла бы сама дотронуться до того, что мне не положено знать, и тем более – судить! Моя нежность и моя любовь к маме Вере – не поколеблены: я с нею! Во мне ее гены! Просто я была сильнее... И этим всецело обязана Н.Г. Да святится имя ее! В самые «трудные» отроческие годы, рядом со мною была женщина с сильным и благородным характером...

И все же помню Н.Г. слухи коснулись меня: это было в 1924 г. Тогда же мною было написано о ней, стихами (мне было 11 лет):

Я вижу тебя упоенную
Людской похвалой,
Я вижу тебя утомленную
Страданьем, борьбой...
Прошаюсь с тобой, убегающей
От грязи и мглы,
Встречаю тебя умирающей,
В презренье толпы!
С накрашенным ртом отдалошейся,
Пиничной и злой...
Я слышу твой голос, поющий мне

О правде святой!
Как имя тебе, долгожданная,
Не надо мне знать!
Позорная, злая, желанная,
Но ты – моя мать.

Я прятала это стихотворение, потом разорвала... Не знаю, читала ли его Н.Г.... Но со мною об этом не говорила... А оно отпечаталось в душе, вот видите, на сколько лет!

Но у Верочки не было Н.Г. в ее самые ранние годы. А травмы были. Смерть отца. А вскоре матери. (М.Н.⁸ тоже окончила жизнь трагически). Слухи. Сплетни. Как во всяком театральном болоте. А кто тогда был рядом? А характер – непредсказуемый (тоже – наследство!). Обожаешь и связь с нею во мне с самого раннего детства (перед зеркалом в шляпе с цветами, крохой, помню себя: «Как мама Вера!»).

М.П.

«И всюду страсти роковые
И от судеб зашпты нет...»⁹

¹ Пильский Петр Моисеевич (1876(1879?)-1941) – прозаик, публицист, критик. Заведовал литературным отделом газеты «Сегодня» (Рязань).

² Одесса была оккупирована англо-французскими войсками с ноября 1918 по апрель 1919 г.

³ Каденбург Г., Пресвер Р. Темное пятно. Комедия в 3-х д. 1910.

⁴ Сегодня (Рязань) 1926. № 75, 4 апреля.

⁵ Батюшков Ф. Сметатье Лит. фонда. // Речь (СПб). 1913. 10 (23) февраля, с.6.

⁶ Переврзев О. Дорога жизни // Рабочий край (Иваново). 1996. 12 января.

⁷ Власова Надежда Григорьевна – служившая старшего общества «Россия». Была замужем за

генералом, служившем в Царстве Польском. Овдовев, поселилась в Петербурге.

⁸ Воронцова-Ленин (ур.Петрова) Маргарита Николаевна (1872-?) – артистка. Родилась в Полтаве. Дебютировала в 16 лет на сцене Мариупольского театра. Выступила в театрах Новоочеркская, Сарановка, Казани, Воронежская, Тифлиса, Кадузи, Екатеринбургская, Екатеринбургская. В 1891 году была приглашена в петербургский «Театр Неметти», где участвовала в водевилях с пенцем, в оперетте и фарсе. С 1896 (1897?) г. «одна из самых деятельных и артистичных сил театра «Фарс», где в некотором роде создала новое на русской сцене искусство «социале-сатирическое» (коклет-каскира). – О.П.). (Словарь сценических деятелей. СПб. 1898. Вып. 3, с.21.)

⁹ Гривкин А.С. Цыгань. Цыганка приписана на полях.

Письмо М.П. Лешковой (1914-1998) публикуется впервые (с незначительными хуморами) по автографу, хранящемуся в собраниях публикатора

П.В.КУПРИЯНОВСКИЙ
(г. Иваново)

СЫН ПОЭТА (СУДЬБА НИКОЛАЯ БАЛЬМОНТА)

В браке Константина Дмитриевича Бальмонта с Ларисой Михайловной Гарегиной (1865-1942) родилось трое детей. Первой была дочь (родилась в феврале 1890 г., умерла через месяц от воспаления мозга). Вторым был сын, названный Николаем в память старшего брата поэта. Третьей родилась дочь Анна (конец июля 1893 г., умерла после болезни примерно через полгода).

Когда родился Николай? Обычно его рождение датируют 1890 годом. Однако на основании неопубликованных писем Бальмонта к В.Г. Короленко от 30 декабря 1891 г. и Ларисе Михайловне от 31 декабря можно утверждать, что он родился в конце декабря 1891 года¹. Мать в это время находилась в Иваново-Вознесенске у сестры Анны, которая была замужем за известным ивановским врачом К.И. Деметьевым.

Брак с Л.М. Гарегиной распался в 1894 г., развод оформлен в июле 1896 г. После этого (а фактически раньше) Лариса Михайловна вышла замуж за Николая Александровича Энгельгардта (1867-1942), сына видного ученого-почвововеда, публициста, профессора А.Н. Энгельгардта. Н.А. Энгельгардт — писатель, журналист, автор нескольких романов, двухтомной «Истории русской литературы XIX столетия» и многих историко-публицистических трудов. В сентябре 1896 г. Бальмонт вторым браком женился на Екатерине Алексеевне Андреевой (1867-1950) и сразу же на два года уехал с ней за границу.

Сын остался в семье Энгельгардтов. Там он рос и воспитывался вместе с детьми Ларисы Михайловны от второго брака: сестрой Анной (1895-1942; с 1918 г. была женой поэта Николая Гумилева) и братом Александром (1902-1978). Энгельгардты жили в Петербурге в шестикомнатной квартире недалеко от центра, а Бальмонт вел, как известно, «кочевой» образ жизни, но больше был связан с Москвой. В Петербурге он бывал, одно время там жил (1899-1901), возможно, иногда видел сына, но тогда, когда ему было не более десяти лет: во всяком случае, он его помнил «ликом ребенка».

Достоверно известно о его встречах с сыном, начиная с 1913 г., когда он вернулся в Москву после семилетней жизни во Франции. Николаю в это время шел 22-й год. К этому времени сын, надо полагать, окончил гимназию, так как осенью 1914 г. уже был студентом филологического факультета Петербургского университета. Николай также серьезно занимался музыкой, играл на пианино, изучал нотную литературу, посещал симфонические концерты². Есть все основания предполагать, что Николай получил у Энгельгардтов образование, обычное для состоятельных семей петербургских интеллигентов. Однако с 1910 г. материальное положение в семье из-за

болезни отца резко ухудшилось. Судя по всему, по мере взросления Коля происходило его отчуждение от семьи.

Об обстоятельствах жизни, в которых рос и воспитывался Коля Бальмонт, дает представление письмо Александра Энгельгардта его другу с гимназических лет, известному литературоведу Д.Е. Максимовау. В нем говорится, что в семейном укладе жизни существовал «дух скрытой вражды, неудовлетворенности старших детей и меня». «Было так, - вспоминает А. Энгельгардт. - Брат жил замкнуто, чтобы уйти в себя, в свой мир, ощущая себя в семье чужим. Сестра дружила с ним и, естественно, ждалась родителей <...> Мама, добрая и честная, имела ужасный порок (Порок этот, заметим, проявился и в жизни с Бальмонтом. - П.К.). Она была необоснованно ревнива, без всякого повода со стороны отца. И это выражалось в диких сценах ревности. Старшие дети и я уходили в себя, замыкались и ожидали конца семейных бурь. Отец замыкался в кабинете <...> С течением времени мама опустилась, перестала следить за собой <...> Ко всему этому болезнь отца. В течение ряда лет он переутомлялся зимой и заболел тяжелой нервной депрессией, иногда были и галлюцинации. Темой его страданий были религиозные вопросы, мучившие его, одно время — увлечение спиритическими учениями...»³.

Наложил ли отпечаток атмосфера семейной жизни на характер, на строй души Николая Бальмонта? Ответ сам собой напрашивается. Он рос душевно ранимым, нервно-впечатлительным. Но при первой встрече в ноябре 1913 г. отцу он показался «гармоничным». В письме от 19 ноября Бальмонт говорит о его «красивой душе и красивом лице». «Я счастлива, что я тебя увидел, - пишет Бальмонт, - и что наша встреча была такая. Много раз за эти годы я вспоминал лик ребенка, думал, что юноша — уж вот. И я сомневался в нашей встрече, и я болел ею, - и ты подарил мне радость душевной красоты и полной душевной свободы. Мне кажется, что гармония твоих движений есть выражение благородства, - и я знаю, что это так»⁴.

С момента этой встречи между отцом и сыном установились близкие отношения. Бальмонт относился к сыну скорей как к другу, называл его «братикшкой». Они неоднократно встречались, переписывались, отец помогал сыну, поддерживал советами. Он одобрял его занятия музыкой. «Будь в строптой гармонии. Нет ничего на свете лучше, чем музыка», - писал Бальмонт сыну 30 декабря 1913 г.⁵, очевидно, имея в виду его занятия в музыкальных классах консерватории.

Лето 1915 г. Коля провел на даче в Лодыжино близ Тарусы (на Оке), где отдыхал и работал Бальмонт. Здесь отец ввел сына в круг близких к нему и Екатерине Алексеевне молодых людей: их дочь Нина, будущий ее муж Лева Бруни, художник Федор Константинов и др. Коля музицировал, читал свои стихи. Тогда же он посвятил отцу стихотворение-сонет «Руставели» с подзаголовком «На перевод «барсовой шкуры» К.Д. Бальмонта»⁶ — в это время

поэт как раз работал над переводом «Витязя в тигровой шкуре». Это и еще несколько сохранившихся стихотворений свидетельствуют, что стих Бальмонта-сына несет на себе отпечаток поэтической культуры «серебряного века». Его увлечение поэзией было столь же серьезное, как и музыкай. По воспоминаниям А.Энгельгардта, Бальмонт-младший позднее «врастался в общество молодых поэтов и литераторов, посещал «Бродячую собаку» и «Привал комедиантов»⁷. Среди близких знакомых его были Рюрик Ивнев и Леонид Каннегисер⁸.

В сентябре 1915 г. Николай Бальмонт познакомился с поэтом Федором Сологубом, выполняя поручение отца, выраженное в его письме из Ладвыжино от 14 сентября. Вот это доверительное, дружеское письмо:

«Милый мой мальчик, сынишка и братишка Коля, пишу лишь два слова сейчас. Золотой туман поэзии наполнил. Сегодня написал новый веночек сонетов «Он и Она».

Шло четыре стихотворения для Сологуба. Передай, пожалуйста, и поклонись ему. Анастасия! Ник[олаевна]! Чеботаревская, жена Ф.Сологуба. — П.К.) просила для какого-то сборника.

Уезжаю отсюда в Москву 18-го. В Питер собираюсь числа 23-го. Твои письма получил. Напиши подробнее, что и как.

Завтра напишу больше. Мы все вспоминаем тебя. Лева (Бруни. — П.К.) тебя целует.

Я счастлива, что ты свиделся с Еленой и Миррочкой.

Обнимаю тебя. Да хранят тебя тени эллинские.

Твой К.Бальмонт⁹.

В письме Бальмонт упоминает свою гражданскую жену Елену Константиновну Цветковскую (1880-1943) и дочь Мирру (1907-1970). Очевидно, что поэт откровенно рассказал сыну о своей сложной и запутанной семейной ситуации.

Во время встреч в Ладвыжино Николай поведат отцу о тяжелой атмосфере в семье Энгельгардтов. 18 сентября 1915 г. он писал отцу, что «жизнь с ними конечно невозможна»¹⁰. Бальмонт советовал ему жить отдельно, самостоятельно и обещал поддержку. «Я сказал ему, — сообщает поэт Е.К.Цветковской, передавая рассказ Коли об «ужасах» в семье Энгельгардтов, — что хочу, чтоб с осени он жил отдельно от матери, и что, конечно, я ему помогу. Он всегда — всегда был мой и, в частности, за это принял истинную пытку»¹¹.

Осенью 1915 г. Бальмонт снял большую квартиру в Петрограде и решил жить на два дома — в Москве с Екатериной Алексеевной, а в Петрограде — с Е.К.Цветковской. Николай стал жить в Петрограде с отцом, а когда в начале 1917 г. Бальмонт отказался от квартиры там, то снял для сына комнату.

9 июня 1916 г. Бальмонт отправил Коле письмо, в котором предлагал ему съездить в Шую с паспортом или студенческим билетом, чтобы подписать у

нотариуса прилагаемый документ, который затем надлежало послать в Москву присяжному поверенному Сергею Павловичу Шестернину. Что это за документ, сказать трудно, всего скорей, он связан с тем, что Николай должен был решить вопрос о своем отношении к военной повинности (примерно в это время ему предстояло проходить обследование в госпитале). В деловом по характеру письме поэта нельзя не обратить внимания на лирическую концовку о родовом гнезде Гумнищи: «Все липы гумнищенского сада, и березы, и сирень, и китайскую рябину, и русскую рябину, и смородину, и крыжовник, и акации, и черемуху, и иву над канавой — любзак»¹².

Не меньший интерес представляет ответное письмо сына:

«Милый отец мой, пишу тебе из Гумнищ. Только что отошла гроза, один удар был совсем недалеко от дома, но тучи утлывают, солнце скоро будет заходить.

Глаза у моих сестреночек и братишек такие синие, как у Миррочки, и своеобразныеголоски напоминают ее. Мне это мило, как и сад, цветущий пруд и могилы, на которые носили свежие цветы (имеются в виду могилы отца и матери Бальмонта в соседнем селе Якиманна. — П.К.). Я не обманулся, что мне нужно было увидеть Гумнищи. Я как-то лучше многое вижу и в себе, и в инном. Точно круг замкнулся, означив центр. Будто сразу защита и обязательство.

Напишите сюда, милый. Целую тебя, помню моего ясного вольгеля.

Сын твой Николай.

Г. Шуйя, Влад.г., Мильонная ул., д. Устинова, А.Д.Бальмонту для меня»¹³.

Письмо это по-своему раскрывает личность Николая, его натуру, художническую от природы и способную глубоко понять и оценить пребывание там, где корни его отца.

Из писем поэта к Е.А.Бальмонт 1918 года можно узнать, что Николай какой-то период жил у отца в Москве, но в это время обнаружился первые признаки нервно-душевного расстройства сына, и он был отправлен на поправку к Дементьевым в Иваново-Вознесенск¹⁴. Отношение отца к сыну стало меняться, сын становится ему неприятен. По словам Е.А.Бальмонт, поэт «совсем не переносил <...> людей с какими-то ни было душевными отклонениями. Раньше, когда Коля был здоров, между ними были очень хорошие отношения <...> Бальмонт был в жизни чрезвычайно уравновешенным»¹⁵.

В Иваново-Вознесенске Николай встретился с братом Александром, который жил у Дементьевых с 1915 по 1923 гг. «То, что я попал в здоровую обстановку у тети и дяди в Иваново, было для меня спасением и возвратом к нормальному светлomu детству и отрочеству», — пишет А.Н.Энгельгардт Д.Е.Максимову. «Здоровая обстановка» в семье врача Дементьева, надо думать, благоприятно действовала и на Николая. Жить он вернулся в

Петроград, но приезжал гостить и к отцу. В 1920 г. он переселился окончательно в Москву.

О последних годах жизни Николая Бальмонта в Москве почти ничего неизвестно. А.Н.Энгельгардт сообщает, что Николай был близок с поэтом Рюриком Ивневым, занимался в консерватории вопросами света и музыки (т.е. тем, чем интересовался и поэт К.Бальмонт), был близок ко второй жене Бальмонта Е.А.Андреевой-Бальмонт. «Она, кажется, принимала в нем участие, — пишет А.Н.Энгельгардт. — Потом он заболел пинзофренией и умер в больнице от туберкулеза <...> Перед его смертью Андреева написала маме и просила ее приехать, так как Коля хотел ее видеть и проститься. Мама очень плакала, но где уж ей было ехать. Она была совершенно неспособна не только куда-то ехать, но даже не могла выйти из дому»¹⁷.

На извещение Екатерины Алексеевны о смерти Николая — «тихой христианской кончине», как поняла Лариса Михайловна, — она ответила 20 апреля 1926 г.¹⁸ Следовательно, смерть Николая Константиновича Бальмонта следует датировать не 1924 г., как указывает А.Энгельгардт, и не 1925 г., как иногда встречается в других источниках, а апрелем 1926 г. Причиной смерти Е.А.Бальмонт считает «длительную болезнь», по-видимому, более точен в этом случае брат Александр.

Судьба Николая Бальмонта, человека не без дарования, с задатками поэта, музыканта, композитора, сложилась горестно. В заключение хочется добавить: горестной в конце жизни была и судьба поэта Бальмонта, умершего в болезнях и нищете, но он знал радость успехов, восторг славы, многое познал и увидел в жизни. А вот судьба семьи Энгельгардтов, в которой рос и воспитывался сын поэта, оказалась в полном смысле трагической: в 1942 г. в блокадном Ленинграде погиб сначала Н.А.Энгельгардт (январь), затем умерли Лариса Михайловна (февраль), дочь Анна Гумилева (апрель), несколько позднее — ее дочь Лена. Александр как актер находился вне Ленинграда, остался жив и умер в Тбилиси в 1978 г. заслуженным артистом Грузии¹⁹.

- 1 Отрывки из писем опубликованы: Куприяновский П.В. К.Д.Бальмонт в письмах к Л.М.Грешинной-Бальмонт // Русская литература. 2000. № 1. С.149.
- 2 Воспоминания А.Н.Энгельгардта о сестре и письмо к Д.Е.Максимову напечатаны в публикации К.М.Лазовского и А.В.Лаврова «Анна Энгельгардт — жена Гумилева: по материалам архива Д.Е.Максимова» // Николай Гумилев: исследования и материалы. Библиография. СПб., 1994. С.371.
- 3 Опубликована там же. С.376.
- 4 Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее ОР РГБ). Ф.374 (К.Д.Бальмонт). К.3. № 9. Л.2.
- 5 Там же. Л.4.
- 6 Стихотворение приведено в кн.: Андреева-Бальмонт Е.А. Воспоминания. М., 1996. С.401.
- 7 «Анна Энгельгардт — жена Гумилева...» // С.371.
- 8 Первого не раз упоминает А.Н.Энгельгардт, см. также: Ивнев Р. Избранное. М., 1988. С.507-508; о втором из архивных источников известно, что у него некоторое время Н.Бальмонт

жил, см. также: Морев Г.А. Из истории литературы 1910-х годов: к биографии Леонида Кантегисера // Мировые. 1994. Вып.16. С.116.

- 9 ОР РГБ. Ф.374. К.3. № 9. Л.8.
- 10 Там же. К.6. №14. Л.8.
- 11 Там же. К.4. №9. Л.19.
- 12 Там же. К.3. №9. Л.1.
- 13 Там же. К.6. №12.
- 14 Андреева-Бальмонт. Воспоминания. С.395, 396.
- 15 Там же. С.415-416.
- 16 «Анна Энгельгардт — жена Гумилева...» // С.376.
- 17 Там же. С.377.
- 18 Письмо это, как и письмо Н.А.Энгельгардта, — отклик на смерть Н.Бальмонта Екатерины Алексеевны сохранила, см.: Ф.374. К.5. №36. Она сохранила также и несколько стихотворений Николая Бальмонта, они также хранятся в ОР РГБ.
- 19 О судьбе семьи Энгельгардтов см. указ в п.2 публикации Лазовского и Лаврова. Р.С. Некоторые из материалов, приведенных в настоящей статье, без указания источников приведены ранее в моих публикациях: «Светлая нить между нами не порвется» // Рабочий край. - 1996. - 24 февраля; Эпизоды о Бальмонте: по неопубликованным материалам // Русь. 1996. №4.

- ❖ Ставропольский Е. С. Покушение на шуйскую помещицу С. Н. Пестель..... 3
- ❖ Мозгова Г. Г. Первые шуйские фотографии..... 6
- ❖ Иванов Ю. А. Турки в городе. 1878 год..... 13
- ❖ Моникина О. А. Сюжет для Гоголя (Случай в семье Колобово)..... 16
- ❖ Батярева Л. П. Шишита, чёлкунчик, пыхтелка и другие..... 19
- ❖ Дубровский П. С. Как Николай II спасал местную икону..... 23
- ❖ Аброемова Е. В. Судьба С. А. Щекоткина: факты и загадки 27
- ❖ Балдин К. Е. Гриша Босой: экстрацене или юродивый 31
- ❖ Шептуховская Н. С. Необычная встреча («Арсений» и В. Н. Бальмонт)... 36
- ❖ Переверзев О. К. Первое стихотворение..... 38
- ❖ Куприяновский П. В. Сын поэта (Судьба Николая Бальмонта)..... 44

Провинциальный анекдот: сборник материалов I и II Чтений по региональной
казуальной истории. – Шуя: «Весть», 2000. – 52 с.

Ответственный редактор: Т.В.Пивова (директор Шуյского краеведческого
музея)

Научный координатор: Ю.А.Иванов (канд. ист. наук, доцент ШГПУ)
Компьютерный набор: Е.С.Старовский, Е.В.Абросимова

ЛР № 020079 от 19.02.1998 г.

Подписано к печати .07.2000. Сдано в набор
Формат 60x84 1/16. Печ.л. 3,0. Усл.печ.л. 3,1.
Тираж 200. Заказ №

Издательство «Весть» Шуյского государственного педагогического
университета
155900 Шуя, ул. Кооперативная, 24

Рекламно-полиграфическое предприятие «Джет»:
155900 Шуя, ул. Свердлова, 5.